

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой
д-р филос. наук, проф.

 А. Ю. Ивлева
03 июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. КИНГА)**

Автор бакалаврской работы 03.06.2019 А. А. Минаева

Обозначение бакалаврской работы БР-02069964-45.03.02-49-19

Направление 45.03.02 Лингвистика

Руководитель работы

к. филос. н., доцент

03.06.2019 Т. С. Шикина

Нормоконтролер

к. филол. н., доцент

03.06.2019 С. В. Чертоусова

Саранск
2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории и речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филос. наук, проф.

 А. Ю. Ивлева

16 января 2019 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ

(в форме бакалаврской работы)

Студент Минаева Алина Анатольевна

1 Тема Способы достижения функциональной эквивалентности при переводе художественного текста (на материале произведений С. Кинга)

Утверждена приказом № 230-с от 16.01.2019 г.

2 Срок представления работы к защите 03.06.2019 г.

3 Исходные данные для научного исследования: научная литература по теме исследования, учебные пособия для вузов и факультетов иностранных языков, публикации отечественных и зарубежных ученых и специалистов, Интернет-источники, электронные словари

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Текст как особый вид речевой деятельности

4.2 Способы достижения функциональной эквивалентности в художественном переводе

Руководитель работы

16.01.2019 Т. С. Шикина

Задание принял к исполнению

16.01.2019 А. А. Минаева

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа содержит 67 страниц, 52 источника.

ПЕРЕВОД, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ, КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД, ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ.

Объектом исследования является художественный текст и его перевод на русский язык как единицы коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Предмет исследования – методы достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте.

Цель работы заключается в анализе способов достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте.

В качестве методов исследования выбраны методы сравнительного и контекстуального анализа, а также метод классификации и описания.

Практическим материалом исследования послужили художественные произведения американского писателя Стивена Кинга – роман «Оно» (“It”) и сборник рассказов «Лавка дурных снов» (“The Bazaar of Bad Dreams”) и их переводы на русский язык.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Текст как особый вид речевой деятельности	8
1.1 Определение понятия «текст» и категории текста	8
1.2 Основные характеристики художественного текста	14
1.3 Перевод как творческая деятельность. Понятие функциональной эквивалентности	18
2 Способы достижения функциональной эквивалентности в художественном переводе	30
2.1 Функциональная эквивалентность лексико-семантического уровня	31
2.1.1 Анализ лексических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»	31
2.1.2 Анализ лексических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»	36
2.2 Функциональная эквивалентность грамматико-синтаксического уровня	40
2.2.1 Анализ грамматико-синтаксических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»	40
2.2.2 Анализ грамматико-синтаксических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»	45
2.3 Функциональная эквивалентность коммуникативно-прагматического уровня	48
2.3.1 Анализ коммуникативно-прагматических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»	48
2.3.2 Анализ коммуникативно-прагматических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	63
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ	67

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития науки о переводе текст считается важнейшей единицей коммуникации. Текст как коммуникативную единицу может охарактеризовать наличие коммуникативной задачи. Вследствие этого, представляя собой итог целенаправленной деятельности, текст неизменно выражает прагматическую установку его автора.

Особую роль в общей типологии текстов играет художественный текст, так как он субъективен, то есть выражает авторское восприятие мира, и в то же время отражает реальную, объективную картину окружающей действительности. Информация в художественном тексте выражена образами и не всегда эксплицитна: ее трактовка во многом зависит от экстралингвистических знаний реципиента и, если мы имеем дело с переведенным текстом, от умений переводчика.

В связи с этим, рассматривая текст с позиции коммуникативно-функционального подхода, который предполагает, что текст перевода – это единица, созданная в конкретной коммуникативной ситуации с конкретной целью и выполняющая конкретную функцию, нельзя не отметить такую ключевую категорию перевода, как функциональная эквивалентность. Это особый тип эквивалентности, который охватывает соответствия не только на грамматико-синтаксическом и лексико-семантическом уровнях, но также и на коммуникативно-прагматическом уровне. Анализ этого понятия приводится в данной работе.

Актуальность исследования обусловлена возникшей необходимостью обозначить более четкую позицию о методах достижения функциональной эквивалентности, в частности, в рамках активно развивающегося коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Теоретической основой этого исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых-переводоведов, таких как В. В. Сдобников, В. Н. Комиссаров, И. С. Алексеева, О. В. Петрова, Ю. Найда и ряда других ученых.

Объектом исследования является художественный текст и его перевод на русский язык как единицы коммуниктивно-функционального подхода к переводу.

Предмет исследования – методы достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте.

Цель работы – проанализировать способы достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- 1) Рассмотреть различные определения понятия «текст» и охарактеризовать особенности художественного текста;
- 2) Рассмотреть явление функциональной эквивалентности;
- 3) Произвести сопоставительный анализ текста-оригинала и текста-перевода и исследовать эквиваленты на лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и коммуниктивно-прагматическом уровнях;
- 4) Выявить основные средства достижения функциональной эквивалентности в рамках художественного перевода.

В ходе исследования были использованы **методы** сравнительного и контекстуального анализа, а также метод классификации и описания.

Материалом исследования послужили художественные произведения американского писателя С. Кинга – роман «Оно» и сборник рассказов «Лавка дурных снов» и их переводы на русский язык.

Теоретическая значимость работы заключается в определении функциональной эквивалентности как ключевой категории соответствий текста-оригинала и текста-перевода с опорой на коммуниктивно-функциональный подход к переводу.

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном изучении понятий функциональной эквивалентности и художественного текста.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках практического курса перевода. Это определяет **практическую значимость** этой работы.

Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованных источников и списка источников-примеров.

1 Текст как особый вид речевой деятельности

1.1 Определение понятия «текст» и категории текста

Объектом перевода является текст, как в роли процесса, так и в роли результата перевода. Для начала необходимо разобраться, что же собой представляет текст. В современном переводоведении нет единого определения этого понятия, и разные ученые по-разному интерпретируют это явление.

Так, И. Р. Гальперин определяет текст как завершенное сообщение, которое имеет свое собственное содержание, и организовано на теоретической модели одном из уже существующих в литературном языке способов сообщений и характеризуемое своими отличительными признаками. Кроме того, ученый отмечает, что неотъемлемой характеристикой текста является системность [12, с. 43].

И. Р. Гальперин касается некоторых важных текстовых явлений таких как, смысл, содержание и значение. Несмотря на схожесть этих понятий, он проводит между ними различия. Так, содержание, по мнению ученого, относится к данным, которые охватывает текст, в общем; смысл касается сообщений, входящих в состав предложения; значение, в свою очередь, относится к информации в морфемах, словах и словосочетаниях [12, с. 52].

Также, некоторыми учеными текст определяется как единица уровня языковой системы и ограничивается лишь грамматическим пониманием. Однако это в корне неправильный подход, так как он не затрагивает коммуникативные свойства текста. Кроме того, такое ограниченное определение не позволяет охватить экстралингвистические факторы, которые являются неотъемлемой частью текста [25, с. 95].

Л. М. Васильев предлагает называть текстом системно организованное и по форме и по содержанию множество речевых актов, которое характеризуется цельностью, законченностью и коммуникативной мотивированностью. Это определение универсально, так как отражает и речевой характер текста, и не ограничивает форму, и затрагивает категории текста [8, с. 147].

По В. Н. Комиссарову текст – это несколько высказываний, сплоченных по смыслу, или конкретное высказывание, употребленное самостоятельно [23, с. 55].

В свою очередь, понятие «тип текста» является неотъемлемой частью лингвистики. Типологии текста создаются на основе разных принципов и категорий, при этом не существует единого определения типа текста. Рассмотрим классификации разных ученых.

Так, Питер Ньюмарк типологизирует тексты в зависимости от их коммуникативной функции:

1. Тексты, обладающие экспрессивной функцией;
2. Тексты, имеющие информативную функцию;
3. Тексты с апеллятивной функцией.

К тому же при переводе этих текстов нужно основываться на их типологии [46, с. 70].

Что касается транслатологической классификации типов текста, ее автором является Катарина Райс. Типология Райс базируется на коммуникативном подходе и учитывает тип выражаемой текстом информации, особенности получателя текста и собственно источника. Она разделила тексты на такие типы:

1. Тексты информативного характера, к которым в основном относятся научные статьи, инструкции и информационные сообщения;
2. Экспрессивные тексты, которые могут быть направлены на определенный круг читателей и передающие определенный тип информации. Языковое оформление такого типа текста находится в зависимости от намерений автора, например, роман, лирика и т.д.;
3. Оперативный тип текста, направленный на определенную группу получателей. В зависимости от этого круга читателей автор или авторы выбирают языковые средства, которые окажут наиболее продуктивное влияние. К этому типу относятся такие тексты, как реклама, пропаганда, сатира;

4. Аудиомедиальные тексты, крайне похожие на три вышеуказанных типа, с той лишь разницей, что их оформление происходит с помощью технических и невербальных средств (жестов, мимики, изобразительных средств) [42, с. 10].

Необходимо к тому же затронуть классификацию А. Нойберта, который выделял тексты по типу прагматических отношений:

1. Тексты, обладающие высокой степенью переводимости и затрагивающие общие цели аудиторий исходного языка и переводного языка;

2. Тексты, предназначенные для аудитории языка перевода, которые не имеют высокую степень переводимости;

3. Художественная литература, обладающая ограниченной переводимостью;

4. Тексты, предназначенные для перевода, имеющие, соответственно, высокую степень переводимости [30, с. 195].

Данная классификация, однако, имеет свои минусы. Так, Нойберт учитывает, в основном, экстралингвистические факторы и для типов текста, и для переводимости.

На данном этапе развития лингвистики можно выделить несколько основных положений, касающихся текстов, и художественных текстов в частности. Так, общепринятым считается, что текст – это сложная упорядоченная система. Кроме того эта система состоит из взаимосвязанных элементов, которые вступают в определенные взаимоотношения. И, безусловно, каждый текст содержит элементы, позволяющие определить его тип.

Так, например, художественный текст обладает некоторыми категориями, отличающими его от других типов текста. Однако на данный момент не существует единой упорядоченной системы или классификации категорий текста. Под текстовыми категориями мы понимаем особые признаки, позволяющие отличить текст от других понятий языка. Существует и другое

определение: текстовые категории – это единицы смысла, составляющие часть текста.

Их можно разделить на следующие виды:

1. Общетекстовые категории, т.е. категории, характерные для всех типов текста
2. Общехудожественные категории, свойственные художественным текстам
3. Общепереводческие категории, типичные для всех переводимых художественных текстов
4. Конкретные категории отдельно взятого художественного текста [30, с. 190].

И. Р. Гальперин впервые разрабатывает категории текста. Ученый выделил содержательные и формально-структурные категории, которые являются неразрывно связанными и взаимовыражающими. Так, он определяет 10 категорий текста – информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста [12, с. 178].

Рассмотрим такую категорию, как когезия или внутритекстовые связи. Это понятие объединяет отдельные части текста и обеспечивает их логическую последовательность. В художественных текстах это прослеживается особенно ясно: наличие психологических, эмоциональных и логических элементов способствует формированию внутритекстовых связей.

Гальперин разделяет средства когезии на:

1. Грамматические (местоимение, союзы, причастные обороты и т.п.);
2. Логические (временные наречия, форсы перечисления);
3. Образные (метафоры);
4. Ассоциативные (сравнения);
5. Структурные;
6. Ритмико-образующие;
7. Стилистические.

Когезия перекликается с понятием ретроспекции, но среди них есть и различия. Так, ретроспекция, как и проспекция, определяется временными рамками, создавая «связь времен». Важно отметить, что в большинстве случаев эта связь выражена имплицитно. Так, например, ретроспекция выполняет такие функции как:

1. Воссоздать ранее указанные события или передать сведения о новых событиях, касающихся прошлого;
2. Дать читателям возможность пересмотреть события в новом контексте;
3. Сделать некоторые части текста более актуальными в контексте содержательной информации.

Ретроспекция может быть вызвана в сознании читателя с помощью ссылок на прошлые события, которые дает автор, но также и без их помощи, в результате творческой перцепции читателя (субъективно-читательское восприятие). Основным инструментом ретроспекции является повторение, и несмотря на то, что оно замедляет повествование, оно помогает объединять различные части текста для более глубокого понимания взаимосвязи текстовых элементов. Кроме того, именно от ретроспекции зависит целостное восприятие всего текста.

Отдельной категорией выступает информативность текста. Прежде всего, необходимо уточнить, что такое информация. Научное ее определение подразумевает, что информация несет в себе новые сведения о событии, явлении, предмете. Таким образом, не каждое сообщение содержит в себе информацию, и информация не является коммуникацией.

Существуют разные виды информации. Так, И. Р. Гальперин выделяет три вида текстовой информации по прагматической интенции:

1. Содержательно-фактуальную (СФИ);
2. Содержательно-концептуальную (СКИ);
3. Содержательно-подтекстовую (СПИ).

Остановимся подробнее на каждом виде информации. Содержательно-фактуальная информация охватывает факты, явления, процессы,

происходящие (в настоящем, прошлом и будущем) в мире. Фактуальная информация является основой, каркасом текста. Данный вид информации выражается эксплицитно, с использованием слов в их прямых значениях.

Содержательно-концептуальная информация передает читателю сведения об авторе текста, как о творце: его точку зрения на различные явления, выраженные содержательно-фактуальной информацией, их взаимоотношения, связи, значения. Такой вид информации выражается имплицитно, и читатель может додумать свой смысл самостоятельно. Содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация соотносятся как бытовая и эстетико-художественная информация, причем под бытовой не обязательно понимать информацию о реальном мире, это вполне могут быть гипотезы и предположения. Именно художественный текст богат на содержательно-концептуальный вид информации, и требует некой расшифровки со стороны читателя. Однако нельзя приравнять данный вид информации лишь к главной идее текста. Это гораздо более сложная, комплексная структура, содержащая мнение автора произведения вкупе с содержательным толкованием.

Что касается содержательно-подтекстовой информации, она не обязательно присутствует в тексте, но ее наличие обогащает произведение. Этот тип информации скрыт, размыт и неоднозначен, и благодаря его способности формировать многоплановость, информацию необходимо разгадывать. В основе содержательно-подтекстовой информации лежит тот факт, что человек может воспринимать информацию не только в одном измерении, т.е. читатель способен получать сразу два сообщения одновременно. Особенно эта способность заметна при чтении художественных произведений, которые изобилуют различными художественными приемами, такими как метафора, олицетворение, метонимия и т.д. Содержательно-подтекстовая информация не лежит на поверхности, поэтому ее можно классифицировать как ненаблюдаемую.

Еще одной немаловажной категорией текста является членимость. Несмотря на свою интегрированность, текст делится на различные элементы, которые выделяются в зависимости от объема текста, от прагматической установки автора текста и других факторов. Остановка временного континуума текста, вызванная членением, способствует переключению внимания и более глубокому восприятию информации. Таким образом, данная категория неразрывно связана с другими категориями, например, ретроспекцией, проспекцией, когезией.

Можно поделить текст, основываясь на различных основах. Так, объемно-прагматическое членение текста подразумевает разделение его, в зависимости от объема компонента целого, на тома, книги, части, главы, абзацы и сверхфразовые единства. В таком виде членения принимается во внимание концентрация читателя на тексте.

Другой тип членения – контекстно-вариативный. В данном типе разделения текста фигурируют такие элементы, как речь автора, которую можно разбить на повествование, описание и рассуждения; чужая речь, например, диалог, цитация; и несобственно-прямая речь.

Оба эти типа членения предопределены автором, и постоянно переплетаются и дополняют друг друга [12, с. 128].

1.2 Основные характеристики художественного текста

Среди всех типов текста, исследователи отводят художественному тексту особую роль. Но как определить, что данный текст является художественным? Существуют особые критерии, основываясь на которые это можно сделать. Так, например, существуют функциональный и фикциональный критерии. Функциональный критерий утверждает, что к художественному тексту можно отнести тот текст, в котором реализована художественная функция. По второму критерию текст является художественным, если в нем присутствует замкнутый вымышленный мир, не сообщающийся с реальностью.

Безусловно, жанр художественной литературы противопоставлен всем текстам нехудожественной направленности. Так, В. В. Сдобников и О. В. Петрова выделили некоторые различия текстов художественного характера от текстов нехудожественного характера (логических). По мнению ученых художественные тексты отличаются:

1. Методом описания действительности: реальный мир в художественном тексте выражен в виде образов;

2. Намерением, с которым написан текст: кроме оказания эстетического влияния на получателя, он должен еще и заставлять читателя задуматься о своем отношении к произведению;

3. Типом и способом информации, передаваемой в тексте. Особенность художественного текста заключается в том, что он передает информацию неявно – имплицитно, поэтому текст может быть понят и истолкован разными читателями по-разному;

4. Уровнем активности реципиента: при чтении художественного текста мысли и чувства читателя активно задействованы, и, таким образом, читатель свободен додумывать некоторые детали, по сути, творя новую реальность;

5. Наличием образа автора, который создает внутренне присущую нерушимость художественного текста;

6. Многоплановостью композиции;

7. Высоким уровнем связи со временем, нацией и культурой;

8. Независимостью, так как каждое художественное произведение относится к сфере искусства [37, с. 66].

Что же относится к основным характеристикам художественного типа текста? Во-первых, нельзя обойти стороной наличие у художественного текста автора со своим художественным видением и философией. Индивидуально-авторская картина мира неизбежно отражается в художественном тексте, поэтому проблеме автора в художественном тексте посвящено так много исследований. В первую очередь, ученые разделяют понятия «биографического автора» и

«художественного автора». «Биографический автор» представляет собой реального человека, а «художественный» – автора как творца. Не следует, однако, путать автора-создателя произведения и автора-повествователя, так как это разные понятия, выполняющие разные функции [24, с. 99].

С точки зрения роли автора, текст художественного произведения создается, чтобы передать мысль, которую хочет донести творец произведения, его мировоззрение и творческий замысел. Мир, созданный писателем, посредством художественного текста передается читателям, которые и оценивают индивидуальные черты, свойственные авторскому восприятию действительности.

Понятие образа автора было выдвинуто В. В. Виноградовым, который считал, что это отличительная словесно-речевая структура, проходящая через весь строй художественного произведения и выражающая взаимосвязь и взаимодействие всех его частей [9, с. 83].

Некоторые ученые рассматривают образ автора как систему некоторых понятий, таких как отношение к субъекту повествования, отношение к миру, отражаемому в тексте, отношение к читателю, отношение к выразительным средствам и способам организации повествования. Именно понятие «образа автора» является вершиной иерархии художественного текста, занимает высшее место в его структуре [23, с. 148].

Однако стоит отметить, что понятие образа автора не принимается всеми учеными безоговорочно. Так, М. М. Бахтин предпочитает пользоваться такими терминами, как авторская позиция, авторское сознание. Главное отличие понимания автора Бахтиным от понимания его Виноградовым заключается в том, что первый ученый рассматривает отношения автора к своим героям, к созданному миру, тогда как Виноградов затрагивает лишь стилистические средства [9, с. 77].

Исходя из вышесказанного, безусловно, художественные произведения субъективны. Именно под воздействием творчества автора реальный мир

переходит в вымышленный, так как творец пропускает его через призму собственного «Я».

Кроме того, так как автор художественного текста мыслит образами, еще одной важной чертой этого типа текста является образность.

Образ является главной единицей художественного текста. Это понятие неразрывно связано с эстетической функцией текста. Однако понятию художественного образа можно дать различные определения, в зависимости от науки, изучающей его явления. Так, для литературоведения образ важен с точки зрения содержательности, а для лингвистики – с позиции формы. Таким образом, можно выделить два вида образов: литературные и речевые. Литературным образом можно назвать отдельные образы персонажей художественных произведений, речевые образы — это выразительные средства языка, такие как тропы [29, с. 67].

Образность речи представляет собой инструмент создания творческого значения художественного произведения. В литературе это может быть как образ персонажа, так и образ автора.

В лингвистике художественный образ является итогом авторской интерпретации окружающего мира и, в то же время, результатом деятельности в сфере вербального искусства. Образ образуется с помощью изобразительно-выразительных средств, таких как тропы, риторические единицы, языковая игра и т.д. Эти приемы используются для придания тексту эстетичности и эмоциональности. Причем, важно отметить, что формирование образа происходит на всех уровнях языка, т. е. на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях [9, с. 58].

То, насколько ярким получается образ, зависит от мастерства автора, его умения пользоваться языковыми ресурсами и знания экстралингвистических факторов. Чтобы добиться конкретности образа, необходимо тщательно отбирать вербальные средства и грамматически правильно их сочетать. Важно отметить, что художественный образ не представляет собой сумму значений слов, как, например, в техническом тексте. Напротив, соединившись с другими образами

текста, он становится частью системы образов, и таким образом, становится основой художественного творчества [2, с. 59].

Еще одной важной особенностью художественного текста является его коммуникативность. Вообще текст является коммуникативной единицей высшего уровня, динамичной единицей, созданной в условиях реальной коммуникации. Текст обладает лингвистическими и экстралингвистическими понятиями, и внешние, т.е. коммуникативные факторы оказывают коренное влияние на речевое построение текста. Безусловно, текст функционирует в определенных коммуникативных условиях и создается в соответствии с конкретными прагматическими установками. Под коммуникативностью текста можно понимать уровень его обращенности к читателю [13, с. 87].

Безусловно, текст как единицу коммуникации определяет существование коммуникативной задачи, а в случае художественного текста – высшей задачи, так как влияние происходит непрямым путем. Таким образом, текст является итогом направленного творчества и выражает прагматическую установку автора. Рассматривая текст с точки зрения коммуникативности, нельзя забывать о целостности или смысловой законченности (завершенности коммуникативных задач автора).

Как коммуникативной единице тексту свойственны такие признаки, как целостность/смысловая законченность, завершенность (с точки зрения его автора и в соответствии с его коммуникативными задачами). Целостность художественного текста проявляется в логико-смысловой структуре, достижение которой обеспечивают лексические и грамматические единицы [30, с. 47].

1.3 Перевод как творческая деятельность. Понятие функциональной эквивалентности

Основным предметом теории перевода является непосредственно перевод, и, несомненно, множество ученых давало этому понятию свое определение. Для уточнения этого термина рассмотрим некоторые из них.

Например, Дж. К. Кэтфорд основывает свое определение на эквивалентности и говорит, что перевод – это замещение текста на одном языке эквивалентным текстом на другом языке [21, с. 66].

Р. О. Якобсон охватывает в своей формулировке еще и экстралингвистические знания переводчика: межъязыковой перевод, по его мнению, или собственно перевод, это – интерпретация вербальных знаков с помощью какого-либо иного языка [45, с. 78].

В. С. Виноградов выражает перевод через социальные характеристики и считает, что перевод – это порожденный общественной необходимостью процесс и результат отображения информации или содержания, выраженных в письменной или устной форме на одном языке, через эквивалентный текст на другом языке. Кроме того, в его определении можно выделить перевод как процесс и перевод как результат [9, с. 55].

И. С. Алексеева рассматривает перевод как деятельность, которую осуществляет переводчик и заключающуюся в вариативном перевыражении текста, созданного на одном языке, в текст на другом языке. С ее точки зрения перевод представляет собой объект деятельности переводчика [1, с. 87].

Рассматривая определения разных ученых, важно понимать, что в основе их лежит понятие «переводимости», то есть гипотетической возможности перевести текст. Общеизвестно, что различные типы текстов имеют разную степень переводимости. Так, наиболее сложными принято считать художественные тексты, так как при их переводе неизбежно приходится передавать и содержание, и форму, а именно, языковые характеристики исходного текста [3, с. 78].

Данный критерий позволяет выделить три подхода – абсолютную переводимость, относительную переводимость и неперево́димость. Проанализируем эти понятия.

Так, абсолютная переводимость представляется недостижимым идеалом, эталоном, на который должны ориентироваться переводчики. Основой этого понятия является тот факт, что все люди на Земле живут в одной и той же

реальности, которая и отражается в различных языках. Явления этой реальности, отображаемые в языке, совпадают для разных народов, и поэтому перевод возможен, ведь понятийные единицы являются аналогичными. Тем не менее, не следует путать понятие абсолютной переводимости с общим понятием переводимости [10, с. 59].

Непереводимость располагается на противоположном конце нашей шкалы и подразумевает, что полноценный перевод с одного языка на другой не может быть осуществлен в силу различий культур и менталитетов. Так, в разные времена некоторые типы текстов считались в принципе непереводимыми, например, священные тексты, поэтические и светские тексты. Особенно точки зрения непереводимости придерживался Вильгельм фон Гумбольдт, который утверждал, что в переводе существует слишком много подводных камней, так как каждый язык выражает дух народа. Гипотеза Сэпира-Уорфа в какой-то степени подтверждает это мнение, утверждая, что языковые особенности влияют на мышление людей, и мысль не может быть перевыражена на другом языке абсолютно без потерь смысла [11, с. 38].

Однако чаще всего, когда упоминают переводимость, имеют в виду именно относительную переводимость, баланс между непереводимостью и абсолютной переводимостью. По мнению многих ученых, языки, как и культуры постоянно изменяются, поэтому оба эти принципа слишком категоричны. Что касается относительной переводимости, она прогрессивна и динамична, а также сохраняет функциональные доминанты текста, выступая на уровне элементов второго плана [5, с. 80].

Следовательно, переводимость можно считать предпосылкой эквивалентности, так как переводческая задача состоит в том, чтобы в процессе перевода получить эквивалентный исходному текст.

Понятие эквивалентность является одним из ключевых в теории перевода. Перевод характеризует в первую очередь процесс равноправной замены оригинала на переводной текст, тождественный исходному тексту.

Однако не следует забывать, что абсолютное тождество невозможно, и это не затрудняет проведение межъязыковой коммуникации.

Так как такое тождество невозможно, учеными-переводоведами был введен термин «эквивалентность перевода». Данное явление считается основным условием существования перевода, ведь без смысловой близости оригинального и переводного текста перевод не может существовать [18, с. 103].

Так, понятие эквивалентности является оценочным средством, позволяющим выявить «плохой» перевод или «хороший». Кроме того, этот термин амбигуентен и неоднозначен. Поэтому необходимо разъяснить, что же охватывает переводческая эквивалентность, ведь она является неременным условием качественного перевода [14, с. 78].

Некоторые ученые считают, что термин «эквивалентность» возник в конце XIX – начале XX вв. Однако наиболее частое его использование датируется 60-80 гг. прошлого века. И отечественные, и зарубежные ученые уделяли проблеме эквивалентности пристальное внимание. Так, американский лингвист Юджин Найда в своих трудах выделил два типа эквивалентности: формальную и динамическую. Формальная эквивалентность направлена на текст оригинала и затрагивает неременное соблюдение грамматических и лексических структур оригинального текста. Так, все знаки препинания, части речи и даже порядок частей предложения должны быть сохранены. Кроме того, для соблюдения формальной эквивалентности необходимо соблюдать принцип конкорданса – перевод одного слова одним и тем же аналогом. В таком случае, получается, что при переводе не могут быть использованы трансформации, что в принципе невозможно [29, с. 105].

Динамическая же эквивалентность, напротив, нацелена на реакцию получателя, которая должна быть равной реакции читателя оригинала. При этом приветствуется использование трансформаций и адаптаций лексики и грамматики. Динамическая эквивалентность руководствуется принципом «переводи так, как автор написал бы на другом языке». Далее ученый отказался

от этого термина и поменял его на «функциональную эквивалентность» [21, с. 56].

Другое понимание эквивалентности присутствует у английского ученого Джона Кэтфорда. Он постановил, что определение понятия переводческой эквивалентности и пути ее достижения являются высшей задачей перевода. Кэтфорд выяснил, что эквивалентность не устанавливает ни формальное соответствие, ни равенство значений, и единственным условием переводческой эквивалентности можно назвать способность текста оригинала и перевода заменить друг друга в определенной ситуации.

Это значит, что эквивалентность можно достигнуть при соответствии функций оригинального и переводного текста, а это должно произойти на уровне целого текста [21, с. 98].

Еще одну концепцию эквивалентности представил отечественный ученый В. Н. Комиссаров. Он сравнил большое количество переводов и оригиналов и выяснил, что является основой их эквивалентности. Оказывается, она базируется на сохранении определенных частей содержания оригинального текста. Ученый высказал теорию том, что существуют уровни эквивалентности, то есть отношения эквивалентности между уровнями оригинала и перевода. Всего В. Н. Комиссаров выделил пять таких уровней:

1. Уровень цели коммуникации, основанный на идее, что каждый текст осуществляет определенную коммуникативную функцию: передает информацию, вызывает реакцию, эмоции. Эквивалентность на этом уровне осуществляется за счет оставления части оригинального текста, имеющей отношение к общей речевой функции произведения. Эквивалентность уровня цели коммуникации возможна тогда, когда более детализированное воссоздание информации представляет затруднение. При переводе на таком уровне эквивалентности невозможно сопоставить лексику оригинала и перевода и структуру обоих произведений. Вообще, для этого уровня эквивалентности между текстом оригинала и перевода существует наименьшее количество точек соприкосновения.

2. Уровень описания ситуации. На данном уровне перевод воспроизводит еще и экстралингвистическую ситуацию, хотя языковые и смысловые средства перевода так и не находят прямого отражения в тексте оригинала. Однако ситуация может быть распознана и в оригинальном тексте, и в переводном, даже если она выражена не оригинальными конструкциями

3. Уровень высказывания предполагает оставление в переводе общих идей, при помощи которых ситуация выражается в исходном тексте. Таким образом, главные семы высказываний совпадают, и построение высказывания сохраняется. На данном уровне эквивалентности уже становится ясно, о чем говорится в оригинале.

4. На уровне сообщения к предыдущим элементам добавляется еще и сохранение синтаксических структур исходного текста. Это в свою очередь приводит к более полному раскрытию информации оригинала, ведь синтаксическое построение подразумевает определенные связи между лексическими единицами, по которым можно проследить параллелизм между двумя текстами и употребление синонимичных структур.

5. Уровень языковых знаков обеспечивает высший уровень близости оригинала и перевода. При этом типе эквивалентности в переводе сохраняются и части содержания, и лексические единицы, и синтаксическая структура оригинала, не говоря уже о сохранении цели коммуникации и самой ситуации. Таким образом, отдельные семы находятся в отношениях максимальной общности между двумя текстами [24, с. 134].

Следовательно, по теории В. Н. Комиссарова переводческую эквивалентность можно определить как наибольшую соотнесенность всех содержательных уровней исходного и переводного текстов. Элементы текстов могут быть эквивалентны как на одном уровне, так и на нескольких, но их подбор зависит от опыта, компетенций и мастерства переводчика. Только используя свои творческие способности и правильно оценивая используемые единицы, переводчик может добиться создания коммуникативно равных текстов на двух языках.

Однако не стоит забывать, что потенциально достижимая эквивалентность – лишь теоретический термин, а на практике не всегда можно добиться наибольшего тождества используемых единиц из-за различий в языковых системах. Но неважно, на каком уровне была достигнута эквивалентность, главное, что перевод способен осуществлять межъязыковую коммуникацию [24, с. 69].

Немецкий переводовед Герт Егер имеет другое видение эквивалентности. Его теория основывается на предположении, что перевод должен соответствовать оригиналу коммуникативно. Это означает, что оба текста должны иметь равную коммуникативную значимость. Под коммуникативной значимостью Егер понимает представление, которое вызывает текст в разуме реципиентов. Но так как нельзя однозначно предоставить описание коммуникативной значимости, коммуникативную эквивалентность тоже невозможно четко определить.

Для того чтобы дать более подробное описание этому явлению, Герт Егер вводит новый термин – функциональная эквивалентность. Он определяет ее через содержание текста совокупно с экстралингвистическими факторами. И именно тождество функциональных значимостей текста оригинала и текста перевода и называется функциональной эквивалентностью. Важно понимать, что функциональная значимость является составной частью коммуникативной эквивалентности. Так, например, в нее не входят реакции, умозаключения читателей, так как они извлекаются из значений языковых элементов. Выходит, что совпадение содержания оригинала и перевода не влечет за собой совпадение коммуникативных эффектов [16, с. 55].

Обобщенно, под функциональной эквивалентностью Егера сейчас мы понимаем просто эквивалентность.

Кроме того, понятие функциональной эквивалентности, было выдвинуто в 1970-х гг. и А. Д. Швейцером. Функциональную доминанту текста он представляет в качестве инварианта перевода. Ученый считает, что эквивалентный перевод может быть достигнут лишь при учете главенствующих

особенностей текста и при выявлении способов их проявления, то есть, функциональных доминант. К ним относятся денотативная, экспрессивная, поэтическая и металингвистическая доминанты.

Что касается художественного текста, каждый такой текст обладает собственным комплексом доминант. Вместе с коммуникативной установкой и социокультурными нормами эти доминанты, обуславливают инвариант, который необходимо воспроизвести в процессе перевода.

Так как функциональные доминанты текста predetermined такими прагматическими условиями, как коммуникативная интенция отправителя и коммуникативный эффект текста, функциональная эквивалентность, по А. Д. Швейцеру, может быть установлена при наличии еще и прагматической эквивалентности [43, с. 89].

Художественная деятельность как процесс определяет идейность, художественную форму, эмотивность и образность художественного текста. В совокупности они образуют доминанту художественного текста.

Так как художественный текст обладает весьма сложными коммуникативными условиями и функциональными параметрами, для него затруднительнее установление абсолютной эквивалентности, поэтому отношения между текстом оригинала и перевода при художественном переводе рассматриваются как неполная эквивалентность, так как эти отношения предусматривают передачу референтной функции оригинала [23, с. 134].

В чем же заключаются главные способы достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте? Функциональная эквивалентность считается достигнутой, когда:

1. Текст оригинала и текст перевода производят аналогичный коммуникативный эффект;
2. Коммуникативный эффект перевода находится в соответствии с коммуникативной интенцией автора оригинала;
3. Реакция получателя перевода в большой степени соответствует реакции реципиента оригинала;

4. Текст перевода может быть сопоставлен с особенностями коммуникативной ситуации исходного текста [31, с. 78].

Стоит отметить, что, безусловно, функциональная эквивалентность проявляется и на лексико-грамматическом, и на коммуникативно-прагматическом уровне. Поэтому даже в случае если формальные свойства языка не были сохранены, можно говорить о функционально эквивалентном переводе. Это происходит при условии, если не утрачены функциональные атрибуты текста оригинала и его коммуникативная ценность [32, с. 145].

Проанализируем оба этих уровня. Так, лексико-грамматическая эквивалентность может быть достигнута путем установления соответствий между структурами двух языков, при этом основной акцент делается на метаязыковой (способности описывать и исследовать язык средствами языка) и фатической функции (контактоустанавливающей).

Коммуникативно-прагматическая эквивалентность достигается аналогичностью экспрессивной и конативной функций (выражения в речи говорящего его устремленности на адресата, желания повлиять на него каким-либо образом) оригинала и перевода [27, с. 76].

Таким образом, можно утверждать, что функциональная эквивалентность – явление многоаспектное и включает в себя и языковые, и речевые соотношения, делая явление адекватности, по сути, излишним.

Говоря о переводе художественного произведения, необходимо затронуть такую важную его составляющую, как прагматическую задачу перевода. Прагматическая задача перевода представляет собой оказание коммуникативного эффекта на реципиента. Так, при прочтении художественного текста, читатель должен прочувствовать масштаб литературного дарования автора, и в случае если переводчик добивается передачи этого эффекта, речь идет об адекватном воссоздании коммуникативного эффекта текста оригинала. Следовательно, можно утверждать, что художественный перевод принимает во внимание прагматику реципиента.

Таким образом, прагматической целью перевода является достижение коммуникативного эффекта – т.е. желаемого воздействия на реципиента. Так, например, в сфере перевода художественного текста такого эффекта можно добиться только при передаче всех литературных особенностей текста, таким образом, воссоздав художественно-эстетическую функцию. При этом, не обязательно коммуникативный эффект на реципиента перевода будет совершенно такой же, как на реципиента оригинала. Скорее всего, межкультурные различия помешают абсолютной идентичности реакций, но для успешного перевода этого и не требуется. Можно сказать, что задача переводчика — выделить в тексте оригинала те особенности, которые и создают вероятность достижения определенного коммуникативного эффекта [34, с. 113].

Затем, при переводе эти особенности следует сохранить с целью приближения коммуникативного эффекта перевода к коммуникативному эффекту оригинала.

Кроме того, понятие коммуникативного эффекта неразрывно связано с такими терминами, как «коммуникативная интенция» и «коммуникативная функция текста». Так, по мнению А. Д. Швейцера коммуникативный эффект и коммуникативная интенция составляют основу переводческой эквивалентности. Коммуникативная интенция или прагматическая мотивация текста воспроизводится переводчиком при создании вторичного текста на основе оригинала. Однако отношения первичного и вторичного текстов не могут быть полностью тождественными, так как коммуникативная интенция неизбежно изменяется. Подобный процесс происходит и с коммуникативным эффектом под воздействием получателя конечного текста. Так, можно описать процесс перевода таким образом: переводчик выделяет коммуникативную интенцию текста, затем, выполняя перевод, он стремится воссоздать в конечном тексте коммуникативный эффект, соответственный данной интенции. При этом переводчик опирается на функциональные доминанты исходного текста. Эти три элемента коммуникативного акта формируют, так

называемую, триаду. Каждый элемент соотносится с составной частью коммуникативного акта: отправителем текстом и получателем [43, с. 67].

Поэтому, коммуникативный эффект можно назвать итогом коммуникативного акта, который отвечает его цели. Таким итогом может являться как понимание содержательных сведений, так и восприятие эмотивных, выразительных, волеизъявительных и других сторон текста. Отсутствие аналогичности между коммуникативной интенцией и коммуникативным эффектом препятствует общению и, в том числе, переводу.

Рассмотрим точку зрения на коммуникативный эффект В. В. Сдобникова. Ученый предлагает расценивать коммуникативный эффект в качестве деривата от функции текста и как средство осуществления коммуникативной интенции автора. Он также согласен, что нельзя добиться полной идентичности коммуникативных эффектов оригинала и перевода.

В. В. Сдобников описывает процесс перевода следующим образом: перевод как двуязычная коммуникация состоит из двух явлений. Первое – коммуникация между автором оригинального текста и реципиентом этого текста, второе – коммуникация между переводчиком и реципиентом перевода. Поэтому, по В. В. Сдобникову при переводе присутствуют два коммуникативных эффекта: на языке оригинала и на языке перевода. Ученый связывает коммуникативный эффект с коммуникативной интенцией автора и функцией текста. Возникает цепь событий (интенция – функция – коммуникативный эффект), в которой коммуникативный эффект в идеале должен соответствовать интенции автора и функции текста. Тем не менее, в условиях реальной коммуникации это не всегда достижимо. Так, имеется вероятность, что автор текста не всегда может ясно и четко выразить свою идею, то есть подобрать нужные языковые средства, или выстроить логическую цепочку. Кроме того, со стороны реципиента тоже могут возникнуть затруднения для достижения коммуникативного эффекта: он может не обладать необходимыми фоновыми знаниями или, напротив, воспринимать текст, но с отличной от интенции автора реакцией [35, с. 46].

Таким образом, можно сказать, что в условиях двуязычной коммуникации под коммуникативным эффектом подразумевается понимание реципиентом текста перевода интенции автора оригинала и получения из него какой-либо информации.

2 Способы достижения функциональной эквивалентности в художественном переводе

Функциональная эквивалентность, как явление переводоведения, тесно связана с понятием коммуникативно-функционального подхода к переводу. Согласно этому подходу, акт перевода рассматривается как деятельность человека, включенная в ситуацию прямой коммуникации между отправителем текста на исходном языке и получателем текста на языке перевода или косвенной коммуникации между получателем и отправителем через целевой текст.

Руководствуясь коммуникативно-функциональным подходом, переводчик должен осознавать, как автор текста воспринимает оригинальное сообщение и, кроме того, должен выявить неотъемлемый прагматический фактор – цель автора текста, то есть, что он хочет сказать своим текстом.

Необходимо отметить, что понятие функциональной эквивалентности представляет собой результат использования коммуникативно-функционального подхода в переводе, и поэтому для достижения этого вида эквивалентности переводчику следует ориентироваться на коммуникативную ситуацию, учитывая намерения участников коммуникативного акта.

В художественном переводе эта задача осложняется, как было указано выше, многоплановостью художественного текста, и работа переводчика в этом случае состоит в раскрытии содержания во всем его диапазоне и его воссоздании в другой форме.

Для того чтобы понять, как эти задачи реализуются на практике, необходимо рассмотреть, как функциональная эквивалентность достигается при переводе художественного текста. В качестве основы для анализа возьмем произведения американского писателя Стивена Кинга «Оно» и «Лавка дурных снов» и их переводы на русский язык. Для удобства восприятия информации, рассмотрим эквиваленты на трех уровнях: лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и коммуникативно-прагматическом.

2.1 Функциональная эквивалентность лексико-семантического уровня

2.1.1 Анализ лексических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»

Для преодоления лексико-семантических несоответствий в тексте-оригинале и тексте-переводе используются такие переводческие приемы, как конкретизация, генерализация, модуляция, транскрипция, транслитерация и калькирование. Прежде чем приступить к анализу текста-оригинала и текста-перевода, дадим определения этим типам переводческих трансформаций. Так, конкретизация – это вид замены, при котором лексическая единица исходного языка с более широким значением заменяется лексической единицей переводного языка с более узким значением.

Генерализация – это прием перевода, при котором происходит замена лексической единицы исходного языка с конкретным значением лексической единицей переводного языка с более широким значением.

Прием модуляции подразумевает замену лексической единицы одного языка на лексическую единицу другого языка, используя причинно-следственные связи и значение исходной единицы.

Транскрипция – это пофонемное отражение лексической единицы исходного языка посредством фонем переводного языка.

Транслитерация же, напротив, – побуквенное отражение лексической единицы исходного языка посредством алфавита переводного языка.

И, наконец, калькирование – отражение смешанного состава слова или словосочетания, при этом перевод составных частей слова (морфем) или фразы (лексем) происходит посредством равносильных элементов переводного языка.

Рассмотрим лексические эквиваленты в переводе романа «Оно».

1. “...*changed into an Elks Hall or a Bowl-a-Drome or an Electric Dreamscape Video Arcade...*” [52, p. 48]

«...на его месте построили административный комплекс, спортивную арену, торговый центр...» [50, с. 50]

В этом случае мы сталкиваемся с приемом генерализации – заменой единицы исходного языка с конкретным значением единицей языка перевода с общим значением. Так, в этом примере при переводе названия учреждений были генерализированы. Эта трансформация оправдана, так как отсутствие конкретики в данном примере практически не влияет на смысл предложения, то есть такая замена лексически эквивалентна оригиналу.

Рассмотрим еще один пример:

2. *Bill pulled a Kleenex from the box* [52, p. 33].

Билл достал из коробки бумажную салфетку [50, с. 45].

В этом отрывке мы можем наблюдать генерализацию при переводе названий. Название торговой марки “Kleenex” представляет собой родовой прагматоним, равносильно заменяющий в речи слово, обозначающее сам предмет. “Kleenex” – компания, выпускающая гигиеническую бумажную продукцию, но ее наименование стало использоваться для обозначения любых бумажных салфеток. Именно поэтому при переводе название салфеток не передается, а генерализируется.

3. “...*the nice house set tastefully back behind the low yew hedges...*” [52, p. 123]

«...уютному дому, красиво возвышающемуся за низкими, вечнозелеными изгородями...» [50, с. 195]

В этом примере при переводе генерализируется определение “yew” – тисовый, и становится «вечнозеленым», и таким образом генерализация произошла на основе одного из признаков слова, который важен для настоящего контекста.

Обратимся к еще одному примеру:

4. “...*he gobbled an entire “white-nightshade” mushroom...*” [52, p. 215]

«...съел целый мухомор...» [50, с. 236]

В этом случае мы сталкиваемся с примером конкретизации – замены единицы оригинала единицей языка перевода с более конкретным значением. Английское слово “white-nightshade mushroom”, которое означает «ядовитый гриб», было переведено как «мухомор». Автор добавил понятию конкретики, чтобы сделать ситуацию более понятной для читателя, так как далее персонаж умирает от отравления.

Распространенным примером конкретизации является перевод слова “said” подходящим смысловым аналогом. Рассмотрим отрывок:

5. “*You put on your rain-stuff,*” *Bill said, “or you’ll wind up with the fluh-hu like me* [52, p. 37].

– Ты лучше надень дождевик, – предупредил Билл, – не то заболеешь г-гриппом, как я [50, с. 47].

В этом примере слово “said” было переведено как «предупредил», и эта трансформация была обусловлена контекстом – мальчик пытается уберечь брата от гриппа.

6. “...*the house here, poised cozily between the fault-line and the brush-fire zone...*” [52, p. 237]

«...свидетельства, подтверждающие право собственности на уютный домик, расположенный между геологическим разломом и пожароопасной зоной...» [50, с. 259]

В этом отрывке слово “house” было конкретизировано как свидетельство, подтверждающее право собственности на дом. Действительно, в настоящем контексте под этим словом имеются в виду именно документы, а не само физическое строение, так как в этом отрывке персонаж перебирает различные деловые бумаги.

7. “...*her palm was wet with sweat...*” [52, p. 147]

«...ладонь и пальцы сделали влажными от пота...» [50, с. 205]

На примере этого отрывка можно рассмотреть конкретизацию слова “palm” – ладонь, которое было переведено как «ладонь и пальцы». Словарное определение слова “palm” – “the inside surface of your hand, in which you hold

things”, однако в настоящем контексте уточнение понятия оправдано – героиня пытается открыть дверь, и дверная ручка выскальзывает у нее из пальцев.

8. “...*his nose looked red and sore...*” [52, p. 115]

«...ноздри покраснели, как при простуде...» [50, с. 132]

В вышеуказанном отрывке мы также сталкиваемся с примером конкретизации по схеме «часть-целое» – “nose” в оригинале превращается в «ноздри» в переводе.

Следующее понятие, которое мы рассмотрим – это модуляция или прием смыслового развития единицы оригинала, основанный на причинно-следственных связях.

9. “*You too, Ben. See you next year.*” [52, p. 186].

– *И тебе, Бен. До осени* [50, с. 213].

Эта реплика – яркий пример модуляции. Диалог между персонажами происходит в конце учебного года, поэтому логическим путем мы приходим к выводу, что «next year» в этом отрывке относится к следующему учебному году, который начнется осенью.

10. “...*the man has no seatmate...*” [52, p. 254]

«...рядом с мужчиной никто не сидит...» [50, с. 274]

Этот фрагмент также демонстрирует прием модуляции. В этом примере присутствует очевидная причинно-следственная связь между отсутствием соседа – “no seatmate” и тем, что «рядом с мужчиной никто не сидит», что и было выражено в переводе.

11. *Ben looked toward the book room's one narrow window and saw that the light was fading rapidly from the sky* [52, p. 240].

Бен посмотрел в узкое окно кладовой и увидел, что небо быстро темнеет [50, с. 279].

В предложении оригинала фраза “the light was fading rapidly from the sky” может быть переведена дословно, как «свет быстро покидал небо», однако при переводе благодаря модуляции эта фраза была передана, как «небо быстро темнеет», и в этом случае логическая связь не была нарушена.

12. “...and the price – twenty-four dollars – the man quoted seemed very fair to Bill; generous, even...” [52, p. 404]

«...да и запрашиваемая цена (двадцать четыре доллара) показалась ему справедливой; даже низкой...» [49, с. 30]

В этом фрагменте особенно интересен перевод слова «generous» в отношении цены. Слово было трансформировано с помощью приема модуляции, и благодаря смысловому развитию, цена стала «низкой», так как в русском языке нет понятия «щедрой цены».

13. “...The three vertical lenses on all sides of the traffic light were dark...” [52, p. 198]

«...лампы не горели ни с одной из четырех сторон светофора...» [50, с. 212]

В этом отрывке мы сталкиваемся и с генерализацией, и с конкретизацией, и с модуляцией. Так, при переводе выражения “The three vertical lenses”, как «лампы» переводчик использует прием генерализации и не указывает количество ламп, но в то же время конкретизирует слово “lenses”. Далее, при переводе словосочетания “on all sides of the traffic light” переводчик использует модуляцию и выводит контекстуальную замену – «четырёх сторон светофора». Но кроме этого, перевод всего предложения также построен на приеме модуляции – “...lenses...were dark”, было переведено, как «лампы не горели», в этом случае значение единиц оригинала и перевода связаны причинно-следственными отношениями.

В качестве следующих трансформаций мы рассмотрим транскрипцию и транслитерацию.

Транскрипция и транслитерация представляют собой соответственно воспроизведение звучащей и буквенной формы слова оригинала на языке перевода. Однако в переводе часто встречается именно объединение этих двух трансформаций. Например, этот прием был использован при переводе названий издательств: 14. *Derry News* [52, p. 55] – «Дерри ньюс» [50, p. 59]; 15. *the*

Mirror [52, p. 70] – «Миррор» [50, с. 83]; 16. *Writer's Market* [52, p. 70] – «Райтерс маркет» [52, с. 83]; 17. *Funk and Wagnalls* [52, p. 82] – «Фанк и Уэгноллс» [50, с. 102]; фирм: 18. *bottles of Windex* [52, p. 105] – бутылки «Уиндекса» [50, с. 120]; 19. *can of Turtle wax* [52, p. 105] – канистра с полиролью «Тэтл» [52, с. 120]; 20. *MuralVision TV* [52, p. 205] – телевизор «Мюралвижн» [50, с. 224]; 21. *Lincoln Logs* [52, p. 350] – набор «Линкольн логс» [49, с. 54]; названий музыкальных групп – 22. *Def Leppard, Twisted Sister, Judas Priest* [52, p. 176] – «Деф Леппард», «Твистед систер», «Джудас Прист» [50, с. 198]; 23. *the Grateful Dead* [52, p. 123] – «Грейтфул дэд» [50, с. 150]; 24. *the Penguins* [52, p. 348] – «Пингвинс» [49, с. 39]; компаний: 25. *American Airlines* [52, p. 176] – «Американ эйрлайнс» [50, с. 198]; 26. *Delia Fashions* [52, p. 238] – «Делия фэшнс» [50, с. 256]; названий медицинских препаратов – 27. *Caopectate, Pepto- Bismol, and Preparation H* [52, p. 280] – каопектат, пепто-бисмол и пренерейшин-эйч [50, с. 359]; названий учреждений – 28. *Saint Regis* [52, p. 179] – «Сент-Реджис» [50, с. 250]; 29. *the ABC Building* [52, p. 160] – «Эй-би-си-билдинг» [50, с. 204]; спортивных команд: 30. *The White Sox* [52, p. 314] – «Уайт сокс» [52, с. 359].

Следующая трансформация, которую мы рассмотрим – это калькирование. Этот прием представляет собой перевод лексемы языка оригинала с помощью замены ее составляющих соответствующими лексемами языка перевода, иными словами, при переводе копируется структура и состав первоначальной лексемы. Таким образом, этот процесс приводит к появлению нового слова или устойчивого выражения в языке перевода. Например, 31. *driving licence* [52, p. 107] – водительское удостоверение [50, с. 136]; 32. *greenhouse effect* [52, p. 164] – парниковый эффект [52, с. 187]; 33. *mail box* [52, p. 407] – почтовый ящик [49, с. 16]; 34. *horizon-line* [52, p. 308] – линия горизонта [50, с. 406]; 35. *take it to heart* [52, p. 123] – принимать близко к сердцу [50, с. 156]; 36. *Hemingford Rams* [52, p. 126] – «Хемингфордские тараны» [50, с. 166].

2.1.2 Анализ лексических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»

Продолжим рассмотрение способов достижения эквивалентности на лексическом уровне на примере перевода сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»

Рассмотрим пример генерализации:

37. *That's how things worked in places like Talbot back then* [51, p. 276].

В то время так часто делалось в небольших городках [48, с. 326].

В этом отрывке мы наблюдаем замену имени собственного “Talbot”, на общеродовое название – «небольшой городок». Действительно, если бы в тексте перевода осталось имя собственное, то оно бы не несло в русском тексте той коннотации, которой оно обладает в оригинальном тексте. Именно поэтому переводчик применил эту трансформацию, таким образом, разъяснив, что имел в виду автор.

38. *Governor Scott and his Tea Party cronies will be delighted* [51, p. 176].

Губернатор Скотт и его шайка будут в восторге [48, с. 176].

В этом примере мы встречаемся с генерализацией и частичным опущением целого понятия. Для перевода этого отрывка необходимо обладать широкими фоновыми знаниями и знаниями культуры и истории страны текста-оригинала. “Tea Party” в этом контексте означает консервативно-либертарианское политическое движение в США, которое возникло в 2009 году как серия протестов на местном и национальном уровне. Именно к этому движению относится эта «шайка» – «cronies». Но, как верно предположил переводчик, в этом отрывке акцент сделан не на принадлежность людей к какой-либо политической группировке, а их реакция – “will be delighted”, поэтому “Tea Party cronies” были генерализованы до «шайки», и здесь мы наблюдаем яркий пример применения коммуникативно-функционального подхода.

39. *He belongs to the Jaycees* [51, p. 126].

Он человек миролюбивый [48, с. 155].

В этом предложении следует обратить внимание на перевод слова «Jaycees», и чтобы понять, какую трансформацию применил переводчик, необходимо дать культурологический комментарий и разъяснить значение этого слова. “Jaycees” – это “Junior Citizens”, сокращенно – “JCs” или Международная молодёжная палата. Это организация, объединяющая молодых людей по всему миру с целью благотворительности, установления взаимопонимания и сотрудничества. Однако в этом контексте не столь важна сама организация, как ее принципы, и именно поэтому рассматриваемое слово было генерализировано по признаку характера его участников – дружелюбности, миролюбивости.

Далее разберем примеры применения конкретизации:

40. “...during the Nixon years...” [51, p. 106]

«...в годы президентства Никсона...» [48, с. 135]

На этом примере можно рассмотреть конкретизацию при переводе реалий страны текста-оригинала. Так, в этом отрывке выражение “Nixon years” требует разъяснения, так как не каждый читатель обладает достаточными фоновыми знаниями, чтобы понять, о чем идет речь. Именно поэтому выражение было переведено как «годы президентства Никсона».

41. “...a hankie seemed kind of sissy...” [51, p. 203]

«...только девчонки и хлюпики пользуются носовыми платками...» [48, с. 245]

В этом фрагменте следует обратить внимание на конкретизацию слова «sissy», которое означает “an insulting word for a boy or a man who does things that girls or women usually do”. В этом случае было уместно передать значение этого слова с помощью конкретизации признака предмета через указание пользователя предмета, и поэтому в тексте перевода мы видим, что платками пользуются только «девчонки и хлюпики».

Перейдем к рассмотрению следующей трансформации – модуляции.

42. “...both in the courtroom and out of it...” [51, p. 216]

«...как в зале суда, так и в частной жизни...» [48, с. 243]

Этот пример демонстрирует нам углубленную смысловую интерпретацию словосочетания “out of it”, которое, учитывая актуальную коммуникативную ситуацию, было переведено как «в частной жизни». Действительно, если восстановить логическую цепочку, то можно предположить, что в этом отрывке речь идет о разграничении работы (зала суда) и частной жизни человека, что и было передано переводчиком.

43. *All the others – Marlee, Vicky, my father, Mama Nonie – were just collateral damage* [51, p. 240].

Все остальные – Марли, Вики, отец, мама Нона – для него были просто пушечным мясом [48, с. 273].

Этот фрагмент также представляет собой пример модуляции. Обратим внимание на перевод выражения “collateral damage”. Это военный термин – «сопутствующий ущерб», который в данном контексте сообщает, что жизни упомянутых людей малозначительны, тогда как целью является некто или нечто другое. В связи этим, при передаче значения этого выражения было применено удачное переводческое решение: на основе логической связи этих единиц в результате процесса модуляции в тексте перевода появляется выражение, так же связанное с военными действиями – «пушечное мясо».

Следующие явления, которые мы рассмотрим – это транслитерация и транскрипция. Комплексно проиллюстрировать эти трансформации можно на следующем примере:

44. '07 *Huffy* [51, p. 13] – «Хаффу» 2007-го [48, с. 20]; 45. '09 *Prius* [51, p. 40] – «Приус» 2009-го [48, с. 61]; 46. '05 *Dodge Ram* [51, p. 65] – «Додж-Рэм» 2005-го [48, с. 83]; 47. '11 *Expedition* [51, p. 87] – «Форд-экспедишн» 2011-го [48, с. 96]; 48. '11 *Crown Victoria* [51, p. 120] – «Краун-Виктория» 2011-го [48, с. 153]; 49. '10 *Richforth* [51, p. 138] – «Ричфорт» 2010-го [48, с. 167]. Все это – названия транспортных средств персонажей рассказа.

Перейдем к следующему способу перевода – калькированию. С помощью этой трансформации могут переводиться как названия реалий – 50. *Paratroops*

from Hell [51, p. 16] – «Десант из ада» [48, с. 23]; 51. *The Broken Windmill* [51, p. 69] – «Сломанный ветряк» [48, с. 82]; так и устойчивые сочетания – 52. *human nature* [51, p. 139] – *человеческая природа* [48, с. 176]; 53. *fire exit* [51, p. 160] – *пожарный выход* [48, с. 184]; 54. *serial killer* [51, p. 380] – *серийный убийца* [48, с. 439]; 55. *survival skill* [51, p. 103] – *навык выживания* [48, с. 128].

Таким образом, для достижения функциональной эквивалентности на лексико-семантическом уровне, расхождений текста-оригинала и текста-перевода можно избежать при помощи использования таких трансформаций, как конкретизация, генерализация, модуляция, транскрипция, транслитерация и калькирование.

Тем не менее, с учетом коммуникативно-функционального подхода к переводу приемы транскрипции и транслитерации не так эффективны, так как они базируются на нормативных звуковых соответствиях, а калькирование относится к словообразовательным процессам языка.

Применение же таких трансформаций, как конкретизация, генерализация и модуляция связано и с лингвистическими факторами, и с исходной коммуникативной ситуацией, что актуально при использовании коммуникативно-функционального подхода к переводу.

2.2 Функциональная эквивалентность грамматико-синтаксического уровня

2.2.1 Анализ грамматико-синтаксических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»

Первая трансформация, которую мы рассмотрим – членение предложения. Это прием, при котором оригинальная синтаксическая структура трансформируется в две или более предикативные структуры на языке перевода. Эта трансформация может иметь грамматические, логические и стилистические причины. Так как английский язык более «экономичен» в выражении мыслей, чем русский язык, то из-за структурно-типологических расхождений, текст, переведенный на русский язык, будет иметь больший

объем. Однако чаще всего при переводе с английского на русский язык применяется внутреннее членение предложений – замена простого английского предложения сложным русским. Так, например, английские синтаксические структуры (герундиальная, инфинитивная, причастная), имеющие простое строение, при переводе трансформируются в сложносочиненное или сложноподчиненное предложение. Что касается внешнего членения, оно используется в случаях, когда английское предложение содержит несколько информационных сообщений, слабо связанных друг с другом. В таких условиях, при переводе логично передать эту информацию в отдельных предложениях.

Прием членения предложений неразрывно связан с трансформацией объединения предложений. Этот способ перевода представляет собой противоположность членения предложений; это преобразование сложного предложения языка оригинала в простое предложение на языке перевода или изменение синтаксической структуры оригинала с помощью объединения нескольких простых предложений. Этот прием используется, в большинстве случаев, когда предложения в оригинальном тексте тесно связаны по смыслу, и поэтому их объединение логически обоснованно.

Рассмотрим приемы членения и объединения предложений.

56. *The boy in the yellow slicker was George Denbrough. He was six* [52, p. 11].

Мальчика в желтом дождевике, шесть лет от роду, звали Джордж Денбро [50, с. 16].

На этом примере мы наблюдаем прием объединения предложений. В этом случае предложение “He was six”, относящееся к упомянутому персонажу, превратилось в «шесть лет от роду» и стало частью первого предложения. Это преобразование логически обоснованно в данной ситуации, так как предложения неразрывно связаны по смыслу.

57. *His fear was already gone; it had slipped away from him as easily as a nightmare slips away from a man who awakes, cold-skinned and gasping, from its*

grip; who feels his body and stares at his surroundings to make sure that none of it ever happened and who then begins at once to forget it [52, p. 278].

Страх его уже ушел. Ускользнул так же легко, как ускользают воспоминания о кошмарном сне, когда кто-то просыпается в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Он ощупывает тело, оглядывается, чтобы убедиться: наяву ничего этого не было, и тут же начинает забывать [50, с. 357].

В этом примере, напротив, можно наблюдать членение предложения. В этом случае, если бы при передаче на русский язык переводчик оставил оригинальную конструкцию, то получилось бы излишне утяжеленное подчинительными конструкциями предложение. Однако прием членения предложения помог этого избежать.

58. The screams were too big to come out [52, p. 171].

Крики стали такими большущими, что не могли вырваться наружу [50, с. 193].

Эти предложения демонстрируют прием внутреннего членения: простая конструкция на английском языке была преобразована в сложноподчиненное предложение на русском языке.

Следующий вид трансформаций, который мы рассмотрим – это грамматические замены. Они представляют собой переводческий прием, при котором грамматическая единица одного языка преобразуется в единицу другого языка, и при этом меняется ее грамматическая форма. Важно отметить, что это преобразование может затрагивать грамматические единицы любого уровня: форма слова, часть речи, член предложения, собственно предложение.

Так, например, при переводе часто происходит замена части речи.

59. Her father was still having too many stomach-aches [52, p. 163].

У отца Патти по-прежнему слишком часто болел живот [50, с. 181].

На этом примере можно наблюдать достаточно распространенную замену английского существительного русским глаголом (“stomach-aches” и «болел живот»).

60. “...Mr Hanscom had looked mildly surprised, as if there was nothing in the least unusual about his being here...” [52, p. 230]

«...с легким удивлением посмотрел на бармена, как будто в его появлении здесь не было ну совершенно ничего необычного...» [50, с. 256]

Этот фрагмент демонстрирует замену английского прилагательного “surprised” на русское существительное «удивление».

Очень часто замена части речи происходит при переводе английских прилагательных, обозначающих географические названия. Например:

61. *So far as I know, the only case remotely like it in American history is the disappearance of the colonists on Roanoke Island, Virginia* [52, p. 301].

Насколько мне известно, в истории Америки есть только один схожий случай – исчезновение колонистов с острова Роанок, в Виргинии [50, с. 368].

В этом случае прилагательное “American” было заменено на русское существительное «Америки», так как это наиболее характерно для русского языка.

Перестановка – это изменение порядка языковых элементов в тексте перевода относительно текста оригинала. Языковыми элементами в этом случае могут быть слова, словосочетания, главные и придаточные предложения и предложения как таковые. Так как положение слов в английском предложении твердо установлено, при его переводе на русский язык необходимо определить тему и рему, старое и новое, то есть актуальное членение предложения. В русском языке тема располагается в начале предложения, а рема – в конце, поэтому важная информация, которую необходимо передать получателю, закономерно оказывается в завершении высказывания. В английском же предложении, тема и рема не имеют закрепленного расположения. Поэтому при переводе возможна перестановка главного и придаточного предложений или простых предложений. В процессе перевода может наблюдаться перестановка слова из одного предложения в другое.

Так, на примере следующих предложений, можно проследить перестановку, произведенную на основе темо-рематического членения.

62. *Dorsey Corcoran, who also lived with his mother and stepfather at 73 Charter Street, died of what were reported to be accidental causes in May of 1957* [52, p. 380].

Дорси Коркорэн, который тоже жил с матерью и отчимом в доме 73 по Чартер-стрит, скончался в мае 1957 года, как указывалось в свидетельстве о смерти, в результате несчастного случая [50, с. 406].

Важная информация в английском предложении – “died of what were reported to be accidental causes” не находится в конце предложения, однако переводчику удалось правильно выявить рему. Поэтому в русском варианте это словосочетание было помещено во второй части предложения – «как указывалось в свидетельстве о смерти, в результате несчастного случая».

63. *Silver was in the righthand window* [52, p. 508].

В правой витрине стоял Сильвер [49, с. 565].

Это также яркий пример различий актуального членения в английском и русском языках. Контекстная ситуация в этом случае предполагает наличие эффекта неожиданности, что и достигается путем применения трансформации перестановки: для получения идентичного коммуникативного эффекта слово “Silver” в переводе заняло позицию в конце предложения, в отличие от оригинала.

Следующий способ перевода, который мы рассмотрим, – это антонимический перевод. Эта трансформация представляет собой замену при переводе утвердительной формы высказывания отрицательной или наоборот.

64. *Mike was not unmindful of the cellarhold and his father's warning to stay out of it* [52, p. 465].

Он помнил о провале и предупреждении отца не приближаться туда [50, с. 570].

В этом фрагменте отрицательная форма единицы оригинала выражается словом, имеющим отрицательный префикс “un-“, а при переводе применяется вышеуказанная трансформация. Это один из самых распространенных случаев применения антонимического перевода. В этом случае единица языка

оригинала заменяется не прямо противоположной единицей ПЯ, а другими способами выражения, означающими противоположную мысль.

Кроме того, с помощью антонимического перевода часто передаются двойные отрицания:

65. *“I don't want you going around that place again,” he said, “at least not until all this trouble is cleared up and they catch the man who's doing it”* [52, p. 450].

Я не хочу, чтобы ты ходил туда, во всяком случае, пока они не справятся с этой бедой и не поймут человека, который это делает [50, с. 540].

Так же встречается контекстообусловленный антонимический перевод. В этом отрывке, например, по контексту противопоставляются Великобритания и США, что можно наблюдать в переводе:

66. *She was not British* [52, p. 151].

Она родилась и жила в Америке [50, с. 178].

2.2.2 Анализ грамматико-синтаксических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»

Рассмотрим первую трансформацию – членение предложения

67. *Rather there was an ice-queen glamour about her that made Kat think of Ingrid Bergman* [51, p. 348].

В ней присутствовали красота и стиль подлинной Снежной королевы. Кэт она чем-то напоминала Ингрид Бергман [48, с. 459].

В этом случае была полностью изменена структура предложения – было выделено два основных семантических пика. Членение предложения привело к разделению этих пиков для лучшего понимания читателем смысла.

68. *He was from Arkansas, Kat believed – that was where Newsome's latest Gulfstream IV had picked him up, at least – but his voice was accentless* [51, p. 463].

Он был родом из Арканзаса, насколько знала Кэт. По крайней мере, именно оттуда доставил его новый «Гольфстрим ГУ» Ньюсама. Но говорил преподобный без акцента [48, с. 479].

В этом фрагменте был так же применен прием членения предложения – из одного предложения оригинала в переводе получилось три предложения, которые дополнительно связаны вводным выражением и союзом.

69. *The sheriff clumped away without any reply* [51, p. 343].

Шериф не ответил и, тяжело ступая, ушел [48, с. 395].

На этом примере можно рассмотреть внутреннее членение предложения: членение было сделано, не выходя за рамки предложения, однако в переводе появился деепричастный оборот «тяжело ступая».

Перейдем к рассмотрению объединения предложений.

70. “...*he had visions of me still grabbing midnight snacks out of their fridge when I was forty...*” [51, p. 403]

«...он представлял себе сорокалетнего меня, открывающего глубокой ночью родительский холодильник, чтобы чем-нибудь перекусить...» [48, с. 433]

Этот фрагмент представляет собой пример внутреннего объединения – оригинальное предложение “when I was forty” было преобразовано в одно слово «сорокалетнего», что позволило избежать излишнего усложнения предложения в переводе.

71. *Her hours were from eleven to five, six days a week. The way it usually worked, he got home from school at four and had dinner on when she came in around six* [51, p. 456].

Она работала шесть дней в неделю с одиннадцати до пяти; обычно он возвращался из школы в четыре и к ее приходу успевал приготовить ужин [48, с. 483].

В этом случае прием объединения помогает сохранить целостность и связность мысли, не прибегая к членению смысла и прерывистости изложения.

72. *At first Melissa struggled, and Kat felt a fist graze her ear. Then Melissa subsided, breathing harshly* [51, p. 463].

Поначалу та сопротивлялась и задела кулаком ухо Кэт, но скоро обмякла, хрипло дыша [48, с. 472].

В этом же примере переводчик использует объединение предложений во избежание одинаковых конструкций при переводе.

Следующая трансформация – грамматическая замена. Кроме замены части речи можно столкнуться и с заменой активной конструкции на пассивную и наоборот.

73. What they would not want was his pitch [51, p. 333].

И его презентация не вызовет у них никакого интереса [48, с. 365].

Так, в этом случае оригинальная пассивная конструкция была заменена активной в переводе.

74. “Next came his storyboard for a proposed TV commercial that would run in all the states on the Gulf...” [51, p. 263]

«Следом шла иллюстрация к телевизионному рекламному ролику, который следовало крутить во всех штатах, прилегавших к Мексиканскому заливу...» [48, с. 289]

В этом фрагменте, напротив, активная конструкция оригинального отрывка была трансформирована в пассивную, так как в русском языке подобное построение предложения невозможно из-за семантических расхождений.

Перейдем к рассмотрению приема перестановки.

75. Almost everyone in town attended the child's funeral [51, p. 293].

На похороны девочки пришли почти все жители города [48, с. 323].

В этом случае играет свою роль актуальное членение предложения – переводчик переместил рему «все жители города» в конец предложения, несмотря на то, что в оригинале – это начало предложения.

76. There was a crack when his neck broke [51, p. 341].

Послышался хруст шейных позвонков [48, с. 365].

В этом случае прием перестановки неразрывно связан с приемом внутреннего членения.

Еще один прием перевода – антонимический перевод – можно проследить на следующих примерах:

77. “...and you rarely got more than one chance in this world...” [51, p. 63]

«И подобный шанс выпадал только раз в жизни...» [48, с. 90]

В этом отрывке “rarely got more than one” было антонимически переведено как «выпадал только раз», что позволило не перегружать текст сложными конструкциями.

78. *Hell ain't too hot for a man who'd do such a thing* [51, p. 327].

Для человека, совершившего такое, даже ад — слишком мягкое наказание [48, с. 350].

В этом случае применение антонимического перевода очень близко связано с приемом смысловой модуляции и зависит от контекстуального выбора переводчика.

В целом, для преодоления грамматико-синтаксических расхождений текста-оригинала и текста-перевода необходимо учитывать разницу в языковых системах, а именно принимать во внимание передачу активного и пассивного залога, согласования времен, актуального членения предложений.

К наиболее часто применимым трансформациям на этом уровне относятся объединение и членение предложений, грамматические замены, перестановки и антонимический перевод. Так, особенно употребительны для достижения функциональной эквивалентности при переводе с английского на русский язык грамматические замены различных видов, что обусловлено нацеленностью перевода на русскоязычного реципиента, так как при переводе учитываются типологические различия структур двух языков.

2.3 Функциональная эквивалентность коммуниктивно-прагматического уровня

2.3.1 Анализ коммуниктивно-прагматических эквивалентов в переводе романа С. Кинга «Оно»

Функциональная эквивалентность затрагивает соответствия не только на лексико-семантическом и грамматико-синтаксическом уровнях, но и на коммуниктивно-прагматическом уровне. Нужно отметить, что даже если

формальные особенности оригинального текста не были соблюдены, перевод будет считаться эквивалентным в случае сохранения коммуникативно-функциональных характеристик. В частности, коммуникативно-прагматическую эквивалентность можно достичь при совпадении коммуникативной интенции автора текста-оригинала и коммуникативного эффекта, который создает текст перевода. Основные цели переводчика – обеспечение максимальной тождественности текстов оригинала и перевода и ориентирование на определенного получателя сообщения, его фоновые знания и социо-культурный статус. С первой позиции перевод прагматически нацелен на исходный язык, а со второй соответственно – на язык перевода.

Коммуникативно-прагматический уровень главенствует в иерархии уровней эквивалентности, так как он незаменим для эквивалентности как таковой и накладывается на остальные ее уровни. Эквивалентные отношения на коммуникативно-прагматическом уровне осуществляются при достижении экспрессивной эквивалентности, выражающей установку на отправителя и конативной эквивалентности – установки на получателя.

Именно поэтому этот уровень эквивалентности подразумевает использование в переводе языковых единиц, отличных от оригинальных по разным критериям, при этом нельзя сопоставить как лексическую структуру, так и структуру текста оригинала и перевода с помощью семантических и синтаксических приемов перевода. Это особенно характерно при переводе терминологии, акцентов, диалектов и сленга, идиоматической лексики, пословиц, поговорок, культурно-исторических реалий, устойчивых способов описания ситуаций, речевых клише и каламбуров.

Так, особенно часто для достижения эквивалентности на коммуникативно-прагматическом уровне применяется прагматическая адаптация. Суть ее состоит в замене незнакомого явления, предмета, понятия знакомым, непривычного привычным для получателя сообщения. Четкая ориентация на получателя перевода делает этот способ незаменимым для установления необходимого коммуникативного эффекта.

К самым распространенным способам прагматической или упрощающей адаптации можно отнести:

1. опущение отдельных единиц текста-оригинала по причине отсутствия реалий исходного языка на языке перевода;

2. описательный перевод, т.е. замена лексической единицы текста оригинала словосочетанием на языке перевода, которое дает объяснение его значения;

3. приблизительный перевод, который заключается в замене неизвестных для получателя сообщения реалий исходной культуры относительно близкими реалиями языка перевода.

Такая адаптация приводит к большей естественности текста, к его приспособлению к исторической и культурной среде иностранного языка.

Так, интересно применение адаптации для описания одной и той же ситуации на разных языках.

79. *To make the ten-degree temperature worse, there was a strong wind to give the cold a bitter cutting edge* [52, p. 473].

Мало того что мороз под пятнадцать градусов, так еще сильный ледяной ветер [50, с. 485].

Например, в этом отрывке для того, чтобы показать очень холодную погоду автор оригинала описывает десятиградусную температуру. Однако в переводе мы видим «мороз под пятнадцать градусов». Такое преобразование связано с особенностями восприятия температуры в разных культурах. Так, для жителей англоговорящих стран минус десять градусов – достаточно холодная температура, в то время как для жителей России – умеренная зимняя температура.

То же расхождение в цифрах мы можем наблюдать в следующем фрагменте:

80. *It would be all too possible to freeze to death on a night like this, a night when the temperature would drop to fifteen below* [52, p. 489].

Да, в такой вечер действительно можно замерзнуть до смерти, в такой вечер, когда температура могла упасть до двадцати пяти градусов ниже нуля [50, с. 512].

Для жителей России замерзнуть до смерти при температуре в минус пятнадцать градусов, как было указано в оригинале, будет казаться неправдоподобным и преувеличенным. Но с применением прагматической адаптации картина меняется – минус двадцать пять кажется достаточно серьезной температурой.

81. “...both of them would get zeros on their tests...” [52, p. 515]

«...кол получают оба...» [50, с. 533]

В этом отрывке мы так же встречаем одну и ту же ситуацию, выраженную разными средствами. Так, самая низкая оценка в американской системе оценивания – это “zero” или дословно ноль. Она ставится за плагиат или списывание, что и имело место в оригинале. В русской системе оценивания аналог этой оценки – кол. Благодаря удачной адаптации для русскоязычного читателя перевод кажется естественным и не требует пояснений.

82. “...If that's right, then Derry's right as rain...” [52, p. 528]

«...Если да, тогда и с Дерри все в шоколаде...» [50, с. 546]

Этот отрывок демонстрирует прагматическую адаптацию при переводе идиом. Оригинальная идиома «right as rain», имеющая значение «в полном порядке» получила большую экспрессивность в переводе. Так как это фрагмент эмоциональной речи, то такая трансформация в этом случае уместна и даже необходима.

83. *You know your father, dear – he works like a mule, and he also thinks like one sometimes, God should forgive me for saying so* [52, p. 673].

Ты знаешь своего отца, дорогая – он работает как вол, но иногда и думает, как вол, прости, Господи, за такие слова [49, с. 183].

На этом примере можно увидеть приблизительный перевод – замену оригинального выражения похожим выражением языка перевода. Действительно, фразеологизм «работать как вол» имеет то же значение, что и

английское “to work like a mule” и отличается только названием животного, о котором идет речь. Однако далее в предложении это животное затрагивается еще раз – «мул» в оригинале и «вол» в переводе – в контексте образа мышления. Здесь возникает небольшое затруднение, так как в английском языке так же существует выражение “stubborn as a mule”, в связи с которым мул имеет репутацию упрямого животного, и соответственно, слово будет иметь дополнительную коннотацию в контексте именно этого предложения. В русском же языке существует выражение «упрямый как бык», а для слова «вол» нет прямой ассоциации с упрямостью.

Также в связи с рассмотрением коммуникативно-прагматического уровня эквивалентности, следует затронуть различные акценты и фонетические и графические особенности речи.

84. *Eddie Kaspbrak and I were playing in the Barrens. He's got a bad assmar attack, I mean he can hardly breath. Can you give me a refill on his asspirador?* [52, p. 679]

«Мы с Эдди Каспбрэком играли в Пустоши. У него начался сильный приступ астмы, он едва может дышать. Можете вы наполнить его ингалятор?» [49, с. 278]

Этот пример представляет собой графическое отображение речи персонажа на письме. Это записка мальчика, в которой мы видим явные орфографические ошибки – “assmar”, “asspirador”, “breath”, вызванные либо незнанием, либо спешкой. Однако в русском варианте мы не наблюдаем этих ошибок, так как переводчик посчитал, что для этой конкретной ситуации применение адаптации излишне. Действительно, на понимание мотивов персонажей и дальнейший сюжет это не влияет, поэтому такое опущение допустимо.

85. *N-Now get me the p-p-paraffin* [52, p. 27].

A те-еперь принеси мне па-а-арафин [50, с. 33].

В этом фрагменте интересна передача при переводе важной характеристики героя – заикания. В этом же случае эту особенность персонажа

нельзя опускать при переводе, так как она играет немаловажную роль для дальнейшего сюжета романа. Нужно отметить, что в английском предложении этот эффект показан с помощью повторения согласных звуков, а на русский язык это было передано посредством гласных, однако это не влияет на восприятие персонажа.

86. *“I will think about it tomorrow, for tomorrow is anothah day.” Do I sound like I come from the South, Patty?*” [52, p. 273]

«Я подума-аю об этом за-автра, потому что за-автра будет другой день». Я говорю, как будто родом с Юга, Патти?» [50, с. 301]

В этом отрывке мы наблюдаем придание дополнительной экспрессивности речи. В оригинальном высказывании на акцент указывает только одно слово “anothah”, а остальные фонетические маркеры, характерные для южного протяжного произношения (англ. Southern drawl) лишь подразумеваются. Однако чтобы сделать ситуацию понятной для русскоязычного читателя, переводчик фокусируется на явном выражении этого акцента, применяя графическое его отображение в словах, в которых он не был выражен в оригинале – «подума-аю», «за-автра».

Эквивалентность на коммуникативно-прагматическом уровне захватывает и передачу каламбуров или игры слов.

87. *“...what they had been doing was slinking back, slinking, rhymes with stinking...”* [52, p. 243]

«...Что они делали на самом деле, так это линяли (бежали, то бишь), что рифмуется с воняли...» [50, с. 278]

В этом случае переводчику потребовалось применить максимум креативных способностей, чтобы не потерять рифму и смысл игры слов, так как важно было учитывать контекст происходящего – речь идет о девушке, которая ненавидит свое еврейское происхождение, с чем и связан вышеупомянутый стереотип. Благодаря удачному переводческому решению для читателей остался понятен смысл этого высказывания.

88. “...in the *Clerk of Probate’s office*...” [52, p. 52]

«...В кабинете *инспектора по надзору за условно осужденными* ...» [50, с. 73]

В этом примере мы сталкиваемся с описательным уровнем прагматической адаптации – оригинальная реалья “Clerk of Probate” была разъяснена в переводе средствами, наиболее понятными для среднестатистического читателя. Действительно, перевод дает объяснение функции, выполняемой этим человеком, что прагматически уместно в этом контексте.

2.3.2 Анализ коммуникативно-прагматических эквивалентов в переводе сборника рассказов С. Кинга «Лавка дурных снов»

Рассмотрим отдельную категорию, имеющую отношение к коммуникативно-прагматическому уровню эквивалентности, – знаки и таблички.

89. *NOT A THROUGH STREET* [51, p. 152] – «ПРОЕЗДА НЕТ» [48, с. 173];

90. *EMPLOYEES ONLY* [51, p. 194] – «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД» [48, с. 204].

В этих случаях мы наблюдаем полное изменение формального аспекта языковых единиц: высказывание облекается в другую форму, но, тем не менее, несет то же коммуникативное сообщение, ориентированное на контекст и окружающую ситуацию.

91. “...*finally a trace of accent, pretty coming out as purty ...*” [51, p. 452]

Наконец-то в его голосе прорвался акцент: «ха-а-рошеньких» [48, с. 483].

В этом случае мы имеем дело с отображением акцента при переводе - у персонажа в этом фрагменте выражен южный акцент, который переводчик передал опять же при помощи южного протяжного произношения.

92. “...*Daddy’s Expundition!’ Blakie cried, happy to be of help...*” [51, p. 72]

«...В папином *искпыдишине!* — тут же крикнул Блейк...» [48, с. 93]

В этом отрывке мы сталкиваемся с передачей детской речи при переводе. Из контекста следует, что говорящий – маленький мальчик, который говорит

еще не вполне четко. При переводе удалось удачно передать эту неразборчивость с помощью «коверканья» названия марки автомобиля: «форд-экспедишн» – «искпыдишине».

93. *“They really love the book, and that’s what matters.”* Mattersh [51, p. 396].

У него заплетался язык. – Им нравится моя книга, и это главное. – Навица [48, с. 402].

94. *“Forty thousand dollars.”* Dollarsh [51, p. 398].

– Сорок тысяч баксов. – Сок тыщ [48, с. 413].

Этот фрагмент демонстрирует речь человека с алкогольным опьянением, которая, как известно, не отличается четкостью. Это пример отличной прагматической адаптации фонетических особенностей речи – перевод кажется естественным для слуха русскоговорящего человека.

95. *Tat Man is yelling at him, but Sanderson can’t make out any words; it’s just wah-wah-wah, the sound adults make when they’re talking to the kids in the animated Peanuts cartoons* [51, p. 352].

Амбал орет на него, но Сандерсон не разбирает слов, только бу-бу-бу – так взрослые разговаривают с детьми в мультике «Мелочь пузатая» [48, с. 376].

Этот фрагмент демонстрирует сразу два явления, важных для понимания сути коммуникативно-прагматической эквивалентности. Первое – отображение разного восприятия звуков англоговорящими и русскоговорящими людьми. Так, акустический эффект явления остается тем же (звуки приглушенной речи), однако англоговорящий человек будет воспринимать звук как “wah-wah-wah” а русский человек – как «бу-бу-бу».

Кроме того, в этом предложении присутствует иностранная реалия – название мультсериала – “Peanuts cartoons”, которое на русский язык переводится как «Мелочь пузатая». Слово “peanuts” в этом случае имеет интересную историю – это сокращение от “peanut gallery” – названия для

самых дешевых и якобы самых шумных мест в театре, обитатели которых часто высмеивали исполнителей, кидая в них арахис. Постепенно это название было перенято для обозначения детской аудитории, и поэтому в переводе закономерна адаптация «мелочь пузатая».

96. *The facility where Pop is living out his final foggy years is actually called the Harvest Hills Special Care Unit, but to Sanderson, Crackerjack Manor seems more accurate* [51, p. 320].

Учреждение, где отец доживает свои последние замутненные годы, это пансионат особого ухода «Харвест-Хиллз», но название «Овощная ферма» кажется Сандерсону более точным [48, с. 343].

В этом отрывке, напротив, мы имеем дело не с общепринятым наименованием учреждения, а с придуманным главным героем названием. Слово “crackerjack” имеет оскорбительное сленговое значение, намекая на постояльцев заведения. В переводе название было адаптировано как «Овощная ферма», ссылаясь на немощность пожилых людей, проживающих в учреждении.

97. *In desperation, Carla had started a game of Plastic Fantastic* [51, p. 41].

В отчаянии она затеяла игру «Найди и покажи» [48, с. 62].

Этот фрагмент можно назвать примером приблизительного перевода. “Plastic Fantastic” в этом контексте имеет следующее значение – быстрый, неорганический, контекстный дизайн городского пространства. В отрывке героиня просит детей показать ей «дорожные красоты», мимо которых они проезжают. Таким образом, перевод названия игры «Найди и покажи», который заменяет оригинальную реалию, основываясь не на объекте, а на действии, довольно-таки оптимален для этой ситуации.

98. *Then she looks at me and says, “Trick or drink?”* [51, p. 342]

Потом смотрит на меня и спрашивает: «Выпивасти или напасту?» [48, с. 398]

В этом отрывке описывается своеобразная переделка стандартной традиции выпрашивать сладости на Хэллоуин “Trick or treat?” – «Сласти или

напасти?» В этом случае мы имеем “Trick or drink?” – оригинальное предложение хозяйки дома выпить, которое в переводе было адаптировано в «Выпивасти или напасти?» Таким образом, прагматический потенциал оригинала в переводе был успешно сохранен.

99. “...*she also had the file folder with THE RED AND THE BLACK written on it in big capitals...*” [51, p. 430]

«...*В руках у нее была распечатка электронного письма агента и папка с крупной надписью «ДЕБЕТ И КРЕДИТ»...*» [48, с. 452]

Этот отрывок интересен переводом идиом “in the red” и “in the black” (в оригинале сокращенный вариант “The red and the black”). Первая идиома означает долги или потерю денег. Происхождение идиомы буквально - на рубеже XX века бухгалтеры часто использовали красные чернила при регистрации деловых потерь, и вскоре предприятия, которые теряли деньги, стали называться “красными”. Вторая идиома описывает состояние платежеспособности или накопление денег, то есть это противоположность первой идиомы. Переводческое решение заменить идиомы более знакомым читателям экономическим термином «дебет и кредит», или приход и расход, представляет собой яркий пример прагматической адаптации.

100. *He wants to tell Tat Man okay, okay, you say tomato and I say tomahto, let's call the whole thing off* [51, p. 382].

Сандерсон хочет сказать ему: ладно, ладно, каждому свое, кому – арбуз, а кому – свиной хрящик, и какой смысл ругаться [48, с. 405].

Происхождение выражения оригинала – песня Луиса Армстронга “You Say Tomato, I Say Tomato”, в которой поется, что «каждому – свое». При переводе для выражения того же смысла была удачно применена пословица «кому — арбуз, а кому — свиной хрящик», которая имеет то же значение – о вкусах не спорят. Использование пословицы формирует сходный ассоциативный фон у читателей, которого нельзя было бы достигнуть, приведя

в переводе слова песни, неизвестной широкому кругу русскоязычных читателей.

101. “...*why rub salt in the wound?*...” [51, p. 459]

«...*зачем сыпать соль на рану?*...» [48, с. 505]

В этих предложениях мы имеем дело с устоявшимися выражениями. Их формы схожи, однако существует небольшое различие – в английском выражении соль «втирают в рану» (rub), а в русском же – сыплют, что и было отражено в переводе.

102. *Pigs will whistle* [51, p. 454].

Мечтать не вредно [48, с. 515].

Это предложение представляет собой пример еще одного контекстоориентированного перевода идиомы. Прямое соответствие пословицы “Pigs will whistle” на русском языке – «когда рак на горе свистнет», то есть никогда. Однако в этом контексте переводчик посчитал более уместным использовать выражение «мечтать не вредно». Действительно, фрагмент представляет собой отрывок из диалога двух персонажей, один из которых рассказывает о своих планах написать книгу, а второй не верит, что у того получится, и отвечает репликой “Pigs will whistle”, которая и была переведена с помощью фразы с разговорной окраской.

Однако бывает и так, что при переводе теряется образность выражения из-за применения генерализации.

103. *Very funny, Easter bunny* [51, p. 482].

Очень смешно [48, с. 542].

Так, в этом случае мы наблюдаем замену экспрессивного выражения стилистически нейтральным сочетанием слов или опущением реалии. Конечно, при этом исчезает и рифма, и юмористический эффект, но в этом контексте эта фраза не играет важной роли для понимания действия, поэтому, ориентируясь на читателей, переводчик решил генерализировать фразу.

Кроме того мы можем наблюдать обратный процесс – придание экспрессивности выражению, которое в оригинале ею не обладает.

104. *“I’ll just dash in and get the ball and dash right back out.” At two hundred pounds, Ray thinks, your dashing days are over, honey [51, p. 82].*

Я забегу на минуточку, куплю мячик и пулей назад. При твоих двухстах фунтах, думает Рэй, о полетах пулей речь уже не идет [48, с. 110].

Так, на этом примере можно увидеть, что оригинальное выражение “dash right back”, означающее «быстро бежать», не несет такой явной эмоциональной окраски, как «пулей назад» в переводе. Это удачное переводческое решение обыгрывается также и в следующем предложении “your dashing days are over” – «о полетах пулей речь уже не идет».

Также, следует отметить, что для достижения эквивалентности на коммуникативно-прагматическом уровне надо учитывать, что в разных языках одинаковые ситуации могут описываться по-разному.

105. *Her blue eyes burned. “Tell me you got it.” The glare got hotter. He thought, Watch out, Nor, your eyeballs will catch fire if you keep doing that [51, p. 448].*

Ее голубые глаза сверкали.

— Скажи мне, что все получилось.

Глаза Норы снова сверкнули. Он даже подумал: Осторожно, Нора, а то зрачки вспыхнут [48, с. 492].

Целый отрывок демонстрирует нам разницу в описании ситуации: в английском фрагменте дословно глаза «горели» и «взгляд стал горячее», а в русском в обоих случаях глаза «сверкали». В следующем предложении в английском варианте буквально «загорятся глазные яблоки», в русском же – зрачки.

106. *“...although he still sometimes suffered from what Nora called “sleepy tongue”...” [51, p. 232]*

«...хотя время от времени у него, по выражению Норы, «заплетался язык»...» [48, с. 258]

В этом случае мы так же сталкиваемся с разными способами описания ситуации: для понимания смысла выражения “sleepy tongue” необходимо знать,

что оно схоже со словосочетанием “fall asleep” касательно различных частей тела, что означает, что эта часть тела «немеет». В нашем контексте это выражение было применено по отношению к персонажу, перенесшему инсульт, так что использование в переводе фразы «заплетался язык» вполне оправдано прагматически.

Изучив вышеуказанные примеры, можно сделать вывод, что для достижения функциональной эквивалентности на коммуникативно-прагматическом уровне следует учитывать и коммуникативную ситуацию, и прагматическую установку автора текста, и реципиента, и функцию текста. При этом в языке перевода не существует функционально эквивалентных языковых средств передачи лексических и грамматических значений текста-оригинала, и поэтому в этом случае особенно эффективна прагматическая адаптация различных видов. Особенно этот способ применим для передачи диалектов, идиом, культурно-исторических реалий, игры слов.

Таким образом, в этой главе мы рассмотрели 106 примеров на трех уровнях эквивалентности – лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и коммуникативно-прагматическом. Мы выяснили, что самыми эффективными трансформациями для достижения функциональной эквивалентности являются генерализация, конкретизация, модуляция, грамматические замены и прагматическая адаптация, которые и были применены переводчиками рассмотренных произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переводоведение на современном этапе занимается решением большого количества различных проблем, и проблема эквивалентности перевода – одна из них. Межъязыковая эквивалентность позволяет выявить, успешно ли выполнен перевод, и так как в последнее время появляется все большее количество литературы на иностранном языке, вопрос определения качества перевода остается довольно актуальным.

Среди всех видов эквивалентности функциональная эквивалентность занимает особое место. Она представляет собой многоуровневое явление, так как охватывает соответствия не только на лексико-семантическом и грамматико-синтаксическом уровнях, но также и на коммуникативно-прагматическом уровне, то есть характеризует и языковые, и речевые соответствия.

В ходе исследования мы обнаружили, что при переводе художественных произведений в рамках коммуникативно-функционального подхода функциональную эквивалентность можно достичь при соблюдении следующих условий:

- 1) Текст оригинала и текст перевода производят сходный коммуникативный эффект;
- 2) Коммуникативный эффект перевода находится в соответствии с коммуникативной целью автора оригинала;
- 3) Реакция получателя перевода в большой степени соответствует реакции реципиента оригинала;
- 4) Текст перевода может быть сопоставлен с особенностями конкретной коммуникативной ситуации.

Проанализировав понятия «художественного текста» и «функциональной эквивалентности» в совокупности, мы выяснили, что в каждом художественном

тексте присутствует свой набор функциональных доминант, которые и должны быть воспроизведены при переводе. Однако из-за сложных коммуникативных условий и функциональных параметров добиться функциональной эквивалентности при переводе художественного текста не всегда легко. Кроме того, коммуникативный эффект не всегда может быть одинаков для получателей оригинала и перевода художественного текста в силу различий в культурах.

Тем не менее, для того чтобы добиться выполнения всех этих условий необходимо применять переводческие трансформации. Так, в результате сопоставительного анализа текста-оригинала и текста-перевода было выяснено, что для достижения функциональной эквивалентности на лексико-семантическом уровне в основном применяются такие способы перевода, как генерализация, конкретизация, модуляция, транскрипция, транслитерация и калькирование и сочетания этих приемов, так как художественный текст представляет собой многоаспектное явление. Для грамматико-синтаксического уровня наиболее характерны грамматические трансформации – объединение и членение предложений, грамматические замены, перестановки и антонимический перевод, что объясняется большими различиями в структурах английского и русского языков. Что касается коммуникативно-прагматического уровня, то в этом случае основная трансформация – это прагматическая адаптация, которая позволяет сохранить для читателя исходную коммуникативную ситуацию.

В целом, выполненные в рамках настоящего исследования задачи позволили сделать вывод, что функциональную эквивалентность в процессе художественного перевода можно достичь при соблюдении коммуникативной интенции автора оригинала, оригинальных функций текста и коммуникативной ситуации. Для этого функциональные эквиваленты должны быть установлены на лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и коммуникативно-прагматическом уровнях текста с помощью различных переводческих трансформаций. Таким образом, достижение функциональной эквивалентности

необходимо для успешного перевода, а это и составляет главную цель переводческой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических фак. вузов / И. С. Алексеева. – СПб., М. : Издательский Центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Алексеева М. Л. Приемы передачи реалий в диахроническом аспекте / М. Л. Алексеева // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции / под ред. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 18–23.
3. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 496 с.
4. Багринцева Н. В. Передача культурно-специфических ситуаций как переводческая проблема / Н. В. Багринцева // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции / под ред. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 38–45.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 2008. – 240 с.
6. Бреус Е. В. Еще раз об экспрессивной эквивалентности / Е. В. Бреус // Тетради переводчика. Науч.-теорет. сбор. / под ред. С. Ф. Гончаренко. – М. : МГЛУ, 2004. – С. 95–111.
7. Валеева Н. Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. Монография / Валеева Н. Г. – М. : РУДН, 2010. – 246 с.
8. Васильев Л. М. Общие проблемы лингвистики : теория и методы : учебное пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : РИЦБашГУ, 2012. – 206 с.
9. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

10. Вишнякова О. Д. Художественный текст : проблема интерпретации и перевод / О. Д. Вишнякова // Наука о переводе сегодня. Материалы Международной конференции / под ред. Н.К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ. 2007. – С. 309–319.
11. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода : монография / Т. А. Волкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 304 с.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
13. Гарбовский Н. К. Переводческий эквивалент и художественный образ / Н. К. Гарбовский. – М., 2004. – С. 350–357.
14. Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
15. Горбачевский А. А. Оригинал и его отражение в переводе : монография / А. А. Горбачевский. – Челябинск : Околица, 2001. – 202 с.
16. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 137–156.
17. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В. Я. Задорнова. – М. : Высш. шк., 2006. – 152 с.
18. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. Сбор. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 39–54.
19. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб. : «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
20. Казачевская О. В. Типы имплицитного содержания и особенности его передачи в переводе / О. В. Казачевская // Проблемы филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – М. : МПУ, 2000. – С. 43–58.

21. Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода : Об одном аспекте прикладной лингвистики / Дж. К. Катфорд ; пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
22. Колодина Н. И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Колодина – Воронеж, 2002. – 22 с.
23. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : "ЧеРо", совместно с "Юрайт", 2000. – 136 с.
24. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2004. – 424 с.
25. Латышев Л. К. Взгляд на современный перевод через призму его истории / Л. К. Латышев // Перевод и переводческая компетенция : коллективная монография. – Курск : Изд-во РОСИ, 2003. – С. 9–25.
26. Левицкий Ю. А. Проблемы лингвистики текста : Учебное пособие по спецкурсу / Ю. А. Левицкий. – Пермь : Пермский государственный университет, 2004. – 206 с.
27. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Л. С. Макарова. – М. : РГБ, 2006. – 364 с.
28. Малычева Н. В. Текст и сложное синтаксическое целое : системно-функциональный анализ : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Малычева. – М. : РГБ, 2003. – 272 с.
29. Найда Ю. А. К науке переводить / Ю. А. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : 1978. – С. 99–114.
30. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 185–201.
31. Петрова О. В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка) / О. В. Петрова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – 106 с.

32. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – Благовещенск : Благовещенский Гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 196 с.
33. Проворотов В. И. Текст как объект переводческого анализа / В. И. Проворотов // Перевод и переводческая компетенция : Коллективная монография. – Курск : Изд. РОСИ, 2003. – С. 52–69.
34. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2004. – 237 с.
35. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Сдобников. – М., 2015. – 48 с.
36. Сдобников В. В. Перевод как посредническая деятельность : некоторые психологические аспекты / В. В. Сдобников // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности : Сб. науч. статей. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – С. 92–106.
37. Сдобников В. В. Теория перевода : учебник / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 448 с.
38. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода : Учеб. пособие / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – М. : Академия, 2005. – 304 с.
39. Струкова Т. Г. О некоторых неточностях перевода художественного текста / Т. Г. Струкова // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2002. – С. 125–134.
40. Теньковский С. С. Аутентичность, эквивалентность и адекватность как критерии верности перевода / С.С. Теньковский // Проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам : традиции и стратегия обновления. – Тамбов, 2001. – С. 169–170.
41. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

42. Чернякова Ю. С. Способы достижения функциональной эквивалентности в переводе художественного текста : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Чернякова. – М., 2008. – 18 с.
43. Швейцер А. Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
44. Шевченко Н. В. Основы лингвистики текста : Уч. пособие / Н. В. Шевченко. – М. : «Приор-издат», 2003. – 156 с.
45. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.
46. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – Harlow : Pearson Education Limited, 2008. – 292 p.
47. Nord Ch. Text Analysis in Translation : Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam : Rodopi, 2005. – 274 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ

48. Кинг С. Лавка дурных снов : сборник / С. Кинг ; пер. с англ. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 608 с.
49. Кинг С. Оно. Воссоединение : роман / С. Кинг ; пер. с англ. В. Вебер. – М. : AST Publishers, 2018. – 813 с.
50. Кинг С. Оно. Тень прошлого : роман / С. Кинг ; пер. с англ. В. Вебер. – М. : AST Publishers, 2018. – 651 с.
51. King S. The Bazaar of Bad Dreams / S. King. – London : Hodder & Stoughton, 2016. – 507 p.
52. King S. It / S. King. – London : Hodder & Stoughton, 2017. – 1376 p.

Заведующему кафедрой теории речи и
перевода А. Ю. Ивлевой
студента 4 курса очной формы
обучения (на бесплатной основе)
направления подготовки
45.03.02 Лингвистика
факультета иностранных языков
Минаевой Алины Анатольевны

заявление

Прошу разместить мою выпускную квалификационную работу на тему
«Способы достижения функциональной эквивалентности при переводе
художественного текста (на материале произведений С. Кинга)» в
электронной библиотечной системе университета в полном объеме.

Алина
Минаева

ОТЧЕТ
о результатах проверки работы обучающегося
на наличие заимствований

Ф. И. О. автора работы Минаева Алина Анатольевна

Тема работы Способы достижения функциональной эквивалентности при переводе художественного текста (на материале произведений С. Кинга)

Руководитель доцент кафедры теории речи и перевода, к. филос. н., доцент
Т. С. Шикина

Представленная работа прошла проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат.ВУЗ».

Результаты автоматической проверки: оригинальность 87,96 %
цитирования 1,14 %
заимствования 10,90 %

Результаты анализа полного отчета на наличие заимствований:

правомерные заимствования: да, 10,90 %, наличие заимствований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

корректные цитирования: да, 1,14 %, наличие цитирований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

неправомерные заимствования: нет
да/нет, количество (%), обоснованность

признаки обхода системы: нет
(да/нет, описание)

Общее заключение об итоговой оригинальности работы и возможности её допуска к защите:

Анализ полного отчета о проверке ВКР обучающегося на наличие заимствований свидетельствует о том, что показатель оригинальности текста выше требуемого согласно Положению о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, утвержденному ученым советом университета (протокол №4 от 23.04.2018 г.), поэтому студент может быть допущен к предварительной защите и защите ВКР в ГЭК.

Руководитель
доцент каф. теории речи и перевода

«03» июня 2019 г.

Т. С. Шикина

**ФГБОУ ВО «МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. П. ОГАРЕВА»**

Отзыв научного руководителя на бакалаврскую работу

1. Студентки 4 курса факультета иностранных языков **Минаевой А. А.**
2. По направлению 45.03.02 Лингвистика.
3. Тема бакалаврской работы: **«Способы достижения функциональной эквивалентности при переводе художественного текста (на материале произведений С. Кинга)»**
4. Руководитель бакалаврской работы: Т. С. Шикина, канд. филос. наук, доц.
5. Актуальность разрабатываемой темы: на сегодняшний день возникла необходимость обозначить более четкую позицию о методах достижения функциональной эквивалентности в художественном тексте, в частности, в рамках активно развивающегося коммуникативно-функционального подхода к переводу.
6. Положительные качества бакалаврской работы: представленная работа показывает хороший уровень теоретической подготовки, знание литературы по заданной теме и самостоятельность в ходе исследования. Автору удалось систематизировать обширный теоретический материал и выделить важную для исследования информацию. Выпускная квалификационная работа написана на достойном научном уровне, отличается логикой построения и четкостью сделанных выводов.
7. Анализ и оценка результатов исследования, обоснованность выводов: работа обладает научной новизной, автору удалось провести анализ широкого пласта практического материала и сделать четкие выводы. Углубление материала по теме позволило автору написать и опубликовать две научные статьи.
8. Недостатки бакалаврской работы (включая стиль и грамотность исполнения рукописи, соответствия стандарту): незначительные замечания по оформлению. Существенных недостатков в работе не выявлено.
9. Бакалаврская работа Минаевой А. А. имеет теоретическую и практическую ценность и является самостоятельным исследованием. Автором были продемонстрированы умения и навыки, необходимые для написания бакалаврской работы, способности делать самостоятельные выводы и обобщения, что позволяет оценить данную работу достаточно высоко.

Руководитель _____ канд. филос. наук, доц. Т. С. Шикина

«11» _____ июня 2019 г.

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе
Антиплагиат.ВУЗ

Автор работы	Минаева Алина Анатольевна
Факультет, кафедра, номер группы	
Тип работы	Не указано
Название работы	diplom_Minaeva
Название файла	Osnovnaya_chast.docx
Процент заимствования	10,90%
Процент цитирования	1,14%
Процент оригинальности	87,96%
Дата проверки	14:47:13 29 мая 2019г.
Модули поиска	Сводная коллекция ЭБС; Коллекция РГБ; Цитирования; Переводные заимствования; Коллекция Гарант; Модуль поиска Интернет; Модуль поиска "МГУ им. Н. П. Огарева"; Модуль поиска перефразирований Интернет; Модуль поиска общеупотребительных выражений; Кольцо Вузов
Работу проверил	ШИКИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ФИО проверяющего
Дата подписи	10.06.2019 Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки,
используйте QR-код, который
содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»	Положение <i>о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований</i>	Лист 14/17
------------------------------------	---	------------

Приложение 1

Заявление о самостоятельном характере выполнения работы

Я, Минаева Алина Анатольевна (Ф.И.О. полностью), обучающийся 4 курса, направления подготовки/специальности 45.03.02 Лингвистика (код и наименование направления подготовки/специальности), заявляю, что в моей работе на тему «Способы достижения функциональной эквивалентности при переводе художественного текста (на материале произведений С. Кинга)», представленной в Государственную экзаменационную комиссию для публичной защиты, не содержится элементов неправомерных заимствований.

Все прямые заимствования из печатных и электронных источников, а также ранее защищенных письменных работ, кандидатских и докторских диссертаций имеют соответствующие ссылки.

Я ознакомлен(а) с действующим в Университете Положением о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, в соответствии с которым обнаружение неправомерных заимствований является основанием для отрицательного отзыва руководителя работы.

Подпись обучающегося

Алина Минаева

03.06.19.

Дата

Работа представлена для проверки в Системе

Дата представления работы

Шарф

подпись руководителя

03.06.19